

детектив – событие

Дцатта Бош

ЗАБЫТЫЙ ГРЕХ

Эдуард Лямзин

Диана Бош

Забывтый грех

«ЭКСМО»

2011

Бош Д. Б.

Забытый грех / Д. Б. Бош — «Эксмо», 2011 — (Эдуард Лямзин)

Эдуард Лямзин столкнулся с загадочной серией преступлений. Убийца оставлял рядом с телами жертв надписи на латыни, обличающие смертные грехи: «Avaritia» – «Алчность», «Luxuria»– «Похоть», «Invidia» – «Зависть»... Александра была рада вновь встретиться со своим давним поклонником – сыщиком Лямзиным. Если бы она знала, что невольно окажется втянута в его расследование...Судья Васечкин попросил у Лямзина помощи. Он получил несколько странных посылок и догадался: некто желает его смерти. И тогда Лямзин понял, какой грех стал причиной первого убийства...Наши недостатки – продолжение наших достоинств. Но как заметить и не перейти тонкую грань, за которой стирается разница между добром и злом?..

Содержание

* * *	5
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Диана Бош

Забытый грех

* * *

Сначала их было восемь – смертных грехов, ведущих в ад. Евагрий Понтийский, перечислив их, назвал те, которые, по его мнению, способны нанести непоправимый вред душе. Они были разными, сливались в один и заменяли друг друга. Но один был неизменно – Гнев. Пятый грех.

«Гнев – вспыльчивость, принятие гневных помыслов: мечтание гнева и отмщения, возмущение сердца яростью, помрачение ею ума: непристойный крик, спор, бранные жестокие и колкие слова. Памятозлобие, ненависть, вражда, мщение, оклеветание, осуждение, возмущение и обида ближнего».

«Мне отмщение, и аз воздам».

Глава 1

Кража

Стояла небывалая для московского лета жара. Асфальт плавился, проминаясь под острыми женскими каблучками, горожане страдали от духоты и снимали с себя все, что только могли снять. Москва стала похожа на курортный Сочи. На улицах замелькали обнаженные мужские торсы и девичьи фигурки, стыдливо прикрытые узкими полосочками ткани, только по недоразумению именующимся майками и юбками. И все, буквально все без различия пола и возраста при первой же возможности норовили залезть в фонтан или пруд. И пусть городские пруды, по утверждению санэпидстанции, грязны и небезопасны, но они так манили прохладой, что невозможно было справиться с искушением.

И только офисные клерки, заложники дресс-кодов, вышагивали по раскаленному городу в похоронных черных костюмах, вызывая своим видом у прохожих приступы острой жалости и вместе с тем облегчения. Согласитесь, есть некая доля превосходства в осознании того, что тебе чуть-чуть лучше, чем кому-то идущему рядом.

Ювелирный магазин на Большой Никитской с утра стоял пустой. Аномальная жара разогнала посетителей, заставив их отложить покупки на более прохладное время. Но ближе к полудню в нем все-таки появились две женщины: гибкая шатенка в полупрозрачном шелке цвета маренго и благообразная старушка в старомодной шляпке, костюме фасона времен молодости Елизаветы II и с ридикюлем под стать ему.

– Александра Ильинична у себя? – тихо спросила первая.

Одна из продавщиц, Лера, тут же отрицательно покачала головой:

– Нет, но вы можете ее подождать, она вот-вот будет.

Бедная девочка с трудом погасила жадный взгляд. Ей уже давно хотелось купить нечто подобное, чтобы выглядеть незаурядно, и она мечтала о таком же шикарном наряде, от которого за версту веяло роскошью и благополучием. Женщину в нем невозможно представить стоящей в очереди в магазине или трясущейся в час пик в вагоне метро. Нет-нет, ее сразу мысленно видишь за столиком в модном ресторане, поднимающей бокал вина и смеющейся в ответ на остроумную шутку спутника – непременно состоятельного и импозантного. Или представляешь ее в ароматной пене в ванной комнате, где все блестит золотом и глянцем. А еще она видится за рулем суперскоростного авто, уверенная в себе, красивая и сексуальная. Таким людям Лера неистово завидовала и одновременно ненавидела их за это.

Вторая продавщица, Ася, заметив, что Лера замерла с вытаращенными глазами, легонько подтолкнула ее локтем. Та тут же очнулась и натянула на лицо самую любезную из своих улыбок.

– Вы подождите вон там, за столиком у окна, – указала жестом Ася. – Александра Ильинична скоро придет.

– Спасибо. – Женщина прошла к окну легкой походкой, выворачивая стопы так, что в ней сразу угадывалась балерина, возможно бывшая. Она даже на стул села как-то по-особенному, продолжая держать абсолютно прямой спину и совершенно не расслабляясь. Отвернувшись к окну, она полностью погрузилась в свои мысли.

Вторая посетительница, сморщенная сгорбленная старушка, очень милая и опрятная, близоруко прилипла к прилавку, вцепившись в него подагрическими узловатыми руками. Черные ажурные перчатки ее были старыми и застиранными до белизны.

Таких Лера презирала. Они раздражали ее уже самим фактом своего существования, тем, что постоянно попадались на ее пути. Они рылись в помидорах в магазине «Копейка»,

тщательно перебирая и разглядывая каждый плод. Лера забегала туда в обеденный перерыв и, если видела согнутую фигуру у ящика с овощами или фруктами, брезгливо морщилась и отходила. Вот понятно же, что помидоры или груши можно потом помыть или даже, на крайний случай, обдать кипятком, но все равно после бабок Лера брезговала что-либо брать. От таких старушенций часто пахло немытым телом и лежалыми старыми вещами, и Лера невольно задерживала дыхание, когда проходила мимо. Она ненавидела старость и тех, кто напоминал ей об этом.

Сейчас она довольно резко, отчего ее голос сразу приобрел визгливо-пронзительные нотки, спросила:

– Женщина, что вы хотели?

Бабушка подняла голову и смущенно улыбнулась:

– Деточка, я хочу внучке на день рождения кольцо подобрать. Вот это мне приглянулось.

Покажите его, пожалуйста, поближе.

Она ткнула пальцем в украшение стоимостью в сорок тысяч долларов, и глаза у Леры гневно сверкнули.

– Боюсь, это не для вас. – Продавщица сложила руки на груди и не тронулась с места.

– Понимаете, это дорогое, даже эксклюзивное украшение, – с нажимом на слове «эксклюзивное» произнесла вторая продавщица – Ася. В ее голосе явственно промелькнули извиняющиеся нотки, и Лера тут же отреагировала на них, бросив на коллегу испепеляющий взгляд.

Но старушка ничуть не смутилась, а только удивленно подняла бровь:

– Но я хочу его посмотреть!

– Нельзя.

– Почему? – Пожилая женщина явно растерялась.

– Денег у вас не хватит. Значит, нечего и смотреть.

Лера почти не скрывала своего презрения. Ася же явно сочувствовала пожилой леди, но показать это боялась из страха перед напарницей. Как старшая смены Лера уже не раз грозилась, что сделает так, чтобы Асю уволили.

Старушка беспомощно оглянулась и, поймав сочувственный взгляд Аси, со смущенной улыбкой обратилась к ней:

– День рождения у внучки моей, я хочу ей подарок сделать. Такой, чтобы, когда меня не станет, она добрым словом бабушку свою вспоминала.

Решимость Аси не уступать, чтобы не наживать неприятностей со старшей смены, была основательно поколеблена. Трясущимися руками она схватила ключи и, несмотря на протестующий жест Леры, открыла витрину. И все-таки пойти до конца и достать «яблоко раздора» – бриллиантовое кольцо духу у нее не хватило. Она вынула маленькое колечко в форме цветка, усыпанное бриллиантовой крошкой, и протянула пожилой женщине:

– Вот посмотрите. Мне кажется, оно очень должно подойти вашей внучке. Сейчас такие считаются модными у молодежи.

– Зачем мне кольцо? Я хочу кольцо. – Старушка обвела взглядом присутствующих и, перехватив возмущенный взгляд второй посетительницы, которая отвернулась от окна и с негодованием смотрела на сцену, разворачивающуюся в зале, укоризненно покачала головой: – Они, должно быть, думают, что никогда не постареют. Ах, да ладно. Надоел этот цирк.

Старуха вдруг запустила пальцы куда-то себе под волосы и содрала морщинистую «кожу» с лица вместе с париком.

– Александра Ильинична! – охнула Ася.

– Обе уволены. Кассиру Марии временно занять место продавца. – Она, глядя в глаза кассиру, качнула головой в сторону прилавка. – Машенька, сегодня придется совмещать, а завтра я тебе постараюсь кого-нибудь в смену подобрать.

– Хорошо, – пролепетала Мария, которая тоже еще не пришла в себя от удивления.

Александра сняла с рук перчатки вместе с «подагрическими» узлами, вытерла руки платком и улыбнулась ожидавшей ее посетительнице.

– Фая, пойдем. Устала я что-то. Да и глаза от цветных линз болят, наверное, с непривычки вставила неправильно.

Фаина встала и со все еще не сошедшим выражением удивления на лице приблизилась к Александре:

– Признаться, я поверила. Очень убедительно получилось.

– Да что ты! – Александра, махнув рукой, засмеялась. – Это не я, это мне пластический грим шикарный сделали. Дорого, конечно, но оно того стоит.

– И сколько, если не секрет? – заинтересовалась Фаина.

– Десять тысяч евро обычно, но мне по благу в пять обошлось. Правда, волокиты много. Сначала лицо силиконовым составом заливают, потом сверху загипсовывают...

– А дышать как?

– Так отверстия для этого оставляют. Только вот сидеть и ждать, пока все высохнет, несколько часов нужно. Я чуть со скуки не умерла, даже несколько раз уснуть и проснуться успела. После, уже в мое отсутствие, с получившихся слепков отлили силиконовые детали, изнутри в точности повторяющие контуры моего лица, а снаружи – нового, старческого. Мне предлагали грим вурдалака или утопленницы сделать, – она хихикнула, – но я отказалась. Не люблю экстрим: появись я в таком виде перед гостями на свой день рождения, и кто-нибудь по дружбе кол осиновый всадил бы. А старушка – это мило и невинно.

– Так ты на свой день рождения грим заказывала? – изумилась Фаина.

– Ну да. Хотела публику удивить. Решила, когда все соберутся, я появлюсь в роли собственной бабушки, развею народ на эмоции. Но потом передумала. Лучше в Европу на свой день рождения слетаю.

Александра толкнула дверь, ведущую из торгового зала в коридор, и пропустила Фаину вперед. Там пахло свежим деревом, патиной и лаком.

– Как тебе мой ремонт под старину? Нравится? Мастер специальную морилку использовал, чтобы патинировать, искусственно состарить поверхности. Он раньше реставратором работал, а сейчас увлекся созданием нового.

Фаина легко коснулась пальцами искусно выполненных панелей и восхищенно заметила:

– Идеально гармонирует со светло-зеленым цветом стен. Надумаю делать ремонт – подскажешь телефон мастера.

Александра согласно кивнула и толкнула дверь приемной.

– Александра Ильинична, – вскочила из-за стола навстречу ей секретарь Зина, – я здесь прайсы распечатала, как вы просили. И еще Иванов звонил, просил встречу перенести. Он застрял в стокгольмском аэропорту, прилетит на сутки позже.

– Спасибо, Зина. Приготовь нам две чашечки кофе. Покрепче, пожалуйста.

Зинаида только сейчас обратила внимание на странный наряд начальницы и стояла с открытым ртом, изумленно ее разглядывая.

– А, это... Модно сейчас так, – серьезно пояснила Александра, стараясь не расхохотаться, до того ошарашенное выражение застыло на Зининой мордашке. – Весь Париж с ума сошел, буквально все так ходят. «Ретростайл» называется.

И она, едва сдерживая смех, вошла в кабинет. Вдруг дверь в приемную с грохотом распахнулась, и в нее со всех ног влетела Ася.

– Александра Ильинична! – закричала она. – Умоляю, простите меня!!!

Продавщица, не обращая внимания на попытки Зины остановить ее, бросилась к Александре и вцепилась в ее рукав. От волнения ноги девушки подкосились, и она непременно упала бы, если б только Александра не успела ее подхватить.

– Держите себя в руках, Ася. Что за странное поведение? – гневно выговорила ей Александра.

– Простите меня, – с отчаянием прошептала девушка.

– С какой стати я должна прощать? Никто ведь не заставлял тебя грубить старушке. Вы на пару с Лерой развлекаетесь, повышая за счет покупателей свою самооценку, а я теряю клиентов.

– Пожалуйста. Я вас очень прошу... – Из глаз Аси закапали слезы.

Горе ее было искренним и глубоким. Александра даже не сразу нашлась, что ответить. Она удивленно посмотрела на ее бледное лицо, отметила, что Ася сильно исхудала за последнее время и у нее вокруг глаз залегли нездоровые круги. Ася выглядела очень несчастной и замученной. Александра почувствовала острый укол жалости.

– У тебя что-то случилось, Ася? А ну-ка, садись сюда, расскажи.

Фаина, расположившаяся на кожаном диване, из деликатности делала вид, будто увлечена чтением глянцевого журнала. Она листала его, вряд ли замечая, о чем там написано, и мысли ее были далеко.

– На, выпей и давай выкладывай, что с тобой происходит. – Александра усадила Асю на стул и села рядом. – Исхудала так отчего? Недоедаешь, что ли?

Ася неопределенно качнула головой. От волнения и необходимости говорить о своих проблемах она пила так жадно, будто не видела воды три дня. Оторвавшись наконец от стакана, она вытерла губы дрожащей рукой и жалобно спросила:

– Вы простите меня?

– А можешь ты мне все-таки объяснить, что это было? Вот конкретно тебе зачем так себя вести? Если бы мне так нагрубили на рынке или в магазине, я бы к такому продавцу в жизни снова не пришла. Слава богу, конкуренция сейчас большая, выбор есть. Как можно позволять себе дерзить, находясь на рабочем месте?

– Да, я виновата, знаю, – понурилась Ася. – С Лерой не ссорилась, честно говоря, боялась работу потерять. Она все время повторяла, что если я только пикну или пожалуюсь, то она сделает так, чтобы меня уволили. А я верила ей, думала, она и правда ваша приятельница. Она так говорила. И в итоге я все равно работу потеряла. А мне без нее никак нельзя! Сын на руках маленький, три годика всего. Уволите – голодать будем.

Она всхлипнула, и слезы градом покатались по ее щекам.

– Куда ж ты деньги тратишь, я же вам хорошо плачу? – опешила Александра. – И ты мне не ответила, чего худая-то такая? Недоедаешь?

Ася отрицательно затрясла головой.

– Нет. Я просто не всегда поесть успеваю. С работы – сразу на занятия: на вечернем учусь. Сына только и успеваю из детсада забрать и соседке по лестничной клетке оставить, – она вздохнула, – да кредит по дурацки год назад взяла, а теперь никак расплатиться не могу. То штрафы, то пени. И все время остаюсь должна. Нет, мне без зарплаты никак нельзя, голодать будем.

Она пригорюнилась, явно собираясь снова зарыдать.

– Ладно. – Александра встала, и Ася вскочила вслед за ней. – Иди работай. Но запомни – это в последний раз! И то только потому, что какое-никакое, а сострадание к бабуле ты проявила. Хотя должна была просто колье показать. Пусть в руки не отдавая, но показать покупательнице! Понимаешь?

Ася кивнула.

– И еще запомни: никогда не суди людей по внешнему виду. Бабушка вполне могла оказаться обеспеченной особой, а вот разодетый франт часто бывает нищим аферистом. В общем, иди. Марии скажешь, что я тебе разрешила приступить к работе. А завтра подойдешь ко мне в конце рабочего дня, посмотрим, чем могу помочь с кредитом.

Ася расцвела, и на щеках ее выступил легкий румянец. Она часто-часто закивала, глядя с преданностью неожиданно обласканной бродячей собаки, и кинулась бежать.

– И не забывай есть, – крикнула ей вслед Александра, – а то в обмороки голодные падать будешь.

Когда за девушкой закрылась дверь и топот каблучков стих вдаль, Фаина отложила журнал и спросила:

– Что случилось-то, к чему весь этот спектакль с переодеванием? Не проще было кого-нибудь с контрольной закупкой подослать?

– Не проще. – Александра вздохнула. – Поверь, я уже все испробовала. С мужчинами они кокетничали, Лера особенно. Маргиналов я и сама боюсь – себе дороже выйдет в магазин их приглашать. Нищие студенты роль не выдерживают, сразу комплиментами сыпать начинают, и все снова заканчивается кокетством и флиртом. И вот результатов никаких, а продажи неуклонно снижаются. Да что там – стремительно падают! Я пыталась кого-нибудь из подруг сюда подослать, так никто связываться не захотел. Видно, интуитивно чувствуют, что жареным пахнет, и отказываются. И я после сегодняшнего демарша их понимаю – кому ж приятно потом с испорченным настроением ходить?! – Она замолчала, вспоминая, как разговаривала с ней Лера, и стукнула по столу ладонью: – Ведь учила их, не судите по внешнему виду! Человек, может, намеренно не хочет к себе внимания привлекать, одевается попроще да поскромнее. А если к нему отнестись с пренебрежением да с высокомерием барским, он спорить и ссориться не станет. Он просто в другой магазин уйдет, и все. В тот, где с ним приветливо поговорят.

– Ты, конечно, правильно рассуждаешь, но профессиональную пригодность лучше все-таки на этапе приема на работу тестировать...

– Фай, ну вот что ты говоришь, а?! Кому, если не тебе, знать, как люди порой умеют маскироваться. Приходит на работу проситься – такая овечка, воды не замутит. И при мне всегда лапочка, сама вежливость. А чуть с глаз уйдет – там такой оскал, что люди в страхе шархатятся начинают. И где взять тесты, чтоб со стопроцентным успехом работников отбирать?

Фаина пожала плечами и улыбнулась:

– Нигде. Я бы сама с удовольствием на подобные хотя бы посмотрела. – Она достала электронную сигарету и вопросительно взглянула на Александру. – Будешь?

– Не хочу, кури сама. – Александра вдруг подумала, что рука у Фаины сильно дрожит, наверное, у подруги совсем плохо с нервами. Она накрыла своей ладонью ее пальцы и поразилась, насколько они холодны. – Ты замерзла?

Фаина отрицательно качнула головой и как-то неловко спрятала руку под стол.

– У меня часто последнее время такое бывает.

– Наверное, сердце барахлит. Ты же нервничаешь все время. Надо показаться хорошему врачу, хочешь, я...

– Ой, да что ты говоришь. – Фаина вдруг всхлипнула от смеха и, всплеснув рукой, закрыла ею лицо. – Да нет у меня ничего, понимаешь? Ни эмоций, ни сердечных болей. А может, и сердца нет.

– Синдром эмоционального выгорания? – растерянно спросила Александра.

Она, напротив, чувствовала себя полной жизненных сил и не понимала, как можно совсем и надолго потерять вкус к жизни. А потому не знала, чем можно помочь подруге.

– Пожалуй, так. Надоело все. – И заметив, что Александра открыла рот, чтобы возразить, торопливо закончила: – Но я с собой борюсь.

Кондиционер работал на полную мощность, и от него ощутимо веяло холодом. Фаина села боком, словно ей было не слишком комфортно и уютно, и Александра опять забеспокоилась:

– Я сделаю теплее, мне кажется, ты замерзла.

– Как хочешь. И не волнуйся ты, со мной все в порядке, – вдруг добавила она, поймав на себе ее обеспокоенный взгляд.

Александра поискала на столе пульт, задвигала ящиками стола, тихо ругаясь, потом вскочила и заглянула под стол.

– А, вспомнила! – легонько стукнула она себя по лбу ладошкой. – Вот же он, в лотке для бумаг.

Она быстро защелкала пультом, повышая температуру с прежних восемнадцати градусов до двадцати пяти. Потом кинула пульт обратно в лоток и, прокрутившись вокруг себя на одной ножке, порхнула к двери. Там, в небольшом отсеке, отделенном тонкой перегородкой от кабинета, у нее был устроен «будуар». Не в прямом смысле слова, конечно, до настоящего ему было далеко – не хватало роскоши и пространства, но в комнатке стояли уютный диван, кресло, в котором можно, забравшись с ногами, читать, платяной шкаф, небольшой стол и куча милых безделушек, которые время от времени ей дарили друзья и гости. Но, уже подойдя к двери, она вдруг вспомнила, что чуть раньше просила секретаршу сделать им с Фаиной кофе. Александра резко свернула и, толкнув соседнюю дверь, выглянула в приемную:

– Зина, мы же ждем! Где наш кофе?

– Ой, Александра Ильинична, забыла! – спохватилась та. – Я сейчас.

Александра повернулась и удрученно посмотрела на Фаину.

– С этим определенно нужно что-то делать: у меня проблемы с персоналом. Найдешь нужные тесты – сразу мне звони. Буду тебе должна.

Фаина засмеялась.

– Да просто уволь ее и найми следующую. Так, методом тыка, хорошего секретаря и найдешь. Это самый лучший тест.

Александра вздохнула:

– Может, ты и права. Да, телевизор посмотри пока, а я сейчас переоденусь и приду. Надоел уже этот маскарад.

Она раздраженно сдернула с себя жакет – в кабинете заметно потеплело, и в костюме теперь было невыносимо жарко.

Появилась она довольно скоро в белой блузе и серых широких брюках. Светлые волосы ее разметались по плечам, а лицо было чисто вымыто и только чуть-чуть тронута макияжем. На столе перед Фаиной уже стоял ароматный кофе, пахнущий ванилью и имбирем, но она сидела, задумавшись, не прикасаясь к нему и скрестив руки на коленях.

– Фая, чего не пьешь? – весело спросила Александра. – И давай рассказывай, чего там у тебя приключилось.

Фаина вскинула голову и так удивленно поглядела на нее, будто не поняла, о чем речь. Потом глаза ее прояснились, в них на мгновение метнулся испуг, и она сконфуженно произнесла:

– Представляешь, я так задумалась, что даже забыла, зачем пришла к тебе. – Она выключила звук у телевизора и отодвинула пульт от себя на край стола. – Ситуация странная и неприятная, а я, как назло, ничего умного придумать не могу, кроме как поставить видеокамеры и устроить круглосуточную слежку. В общем-то потому я к тебе и обратилась. Нужно все выполнить качественно, быстро и эффективно. А у тебя, помнится, был кто-то из знакомых, кто мог бы это сделать.

Александра подумала, наморщив лоб. Потом почесала переносицу и произнесла:

– Надо поразмыслить. Тот, кто у меня есть, боюсь, не подойдет.

– Почему?

– Потому что он из милиции. А тебе, как я понимаю, государственные структуры ни к чему, иначе бы сама к ним обратилась. Так?

Фаина помолчала, разглаживая невидимые морщинки на тонкой ткани брюк, и нехотя ответила:

– Да. Сначала нужно попробовать своими силами справиться. А уж если не выйдет – тогда можно и заявление писать.

– Ты мне расскажи все по порядку, а я пока решу, к кому можно с просьбой обратиться.

Фаина кивнула:

– Хорошо, слушай. У меня есть сотрудница, зовут ее Лиля. Молодая, энергичная, ей двадцать четыре всего. Пришла на работу три года назад, как только окончила институт, и мне сразу понравилась. Девочка исполнительная, доброжелательная, надежная – что еще может руководитель желать? В общем, нареканий к ней у меня не было, и я не так давно назначила ее начальником нового отдела.

– И что, она на радостях пустилась во все тяжкие?

– Нет. Не перебивай.

– Извини.

– Набрали в отдел сотрудников, Лилия принялась с энтузиазмом их обучать, работа налаживалась, да и коллектив сложился дружный. Так мне казалось. Но вдруг из сейфа исчезают деньги. Вечером, когда подсчитали выручку, обнаружили недостачу в две тысячи, но решили, что это случайность. Дескать, кто-то обсчитался, расплачиваясь с заказчиком. Виновного искать не стали, мне тоже ничего не сказали, тихо раскидали сумму на всех и вернули деньги в кассу. Шесть сотрудников плюс сама Лилия – седьмая – получилось чуть меньше трехсот рублей на каждого. Вроде бы не слишком напряжно. Хотя недовольные, конечно, нашлись – это те, кто был уверен, что сами никакой оплошности не допускали. Как ты понимаешь, от них я и узнала чуть позже обо всем.

– Сдали доброхоты. Ну да, понимаю, в любом коллективе найдутся подобные.

– Это еще не все. Теперь все были предельно аккуратны, расплачиваясь, пересчитывали сдачу по несколько раз, и казалось, сюрпризов больше не будет. Но тем не менее деньги исчезли снова. На этот раз сумма была уже более значительная – семнадцать тысяч, и списать ее на случайную ошибку никак не получилось. Оставалось признать, что деньги пропали из общей кассы, то есть из сейфа.

– Ничего не понимаю, – пожала плечами Александра, – а как сейф-то вскрыли? Следы взлома были?

– Видишь ли, – смутилась Фаина, – он обычно открытым стоит. Специфика работы отдела такова, что деньги постоянно находятся в движении. Ну и сейф закрывают чисто символически: ключи в дверце торчат, но когда замок запрут, когда нет. То есть даже если дверцу и закрыли, то ключи – вот они, бери, пользуйся. Но у нас на фирме сложились такие отношения, что все друг другу доверяли, никогда ничего не пропадало. – Александра хотела возразить, но Фаина ее торопливо перебила: – Да, я понимаю, что это неосторожно – оставлять деньги без надзора, практически на виду у всех. Но... сейчас мне важно выяснить, кто из работников крысятничал. Я подозреваю, что это делал один и тот же человек.

– Почему ты так уверена? Первый случай вполне мог быть оплошностью, ну а второй – да, тут явная кража.

– Может быть. Но этим дело не ограничилось. Позавчера деньги пропали снова. Исчезло достаточно много – двадцать пять тысяч, и даже те, кто спокойно выплатил долг и в первый и во второй раз, стали возмущаться.

– А что, после второй кражи сумму опять молча на всех разделили?

– Ну да! Тихо, в своем кругу, не вынося, так сказать, сор из избы – то есть не ставя меня в известность. Но по фирме-то слухи все равно поползли, лишь до меня почему-то не доходили. А вот вчера, после нового случая воровства, ко мне тайно и независимо друг от друга пришли двое сотрудников. И каждый изложил свою версию происходящего. Скажу сразу, версии раз-

личались в деталях, но были сходны в основном. Теперь передо мной стоит дилемма: с одной стороны, я не могу поверить, что это делает кто-то из своих, с другой – очень сомнительно, чтобы посторонний мог подобную кражу в рабочее время совершить. В общем, мне нужно разобраться, что в коллективе происходит.

– Они на кого-то конкретно указывали?

– Да. И это самое неприятное во всей истории. Обе сотрудницы виновной в пропаже денег назвали Лилию. Дескать, она, пользуясь общей доверчивостью, брала деньги из сейфа, а потом устраивала показную истерику, подводя всех к мысли, что надо платить. Конечно, она тоже платила, как и все, но ведь тот, кто все деньги взял, в любом случае остается в выигрыше. Ропшущие приводили убедительные доводы: у Лилии увеличились траты, в то время как доходы остались на прежнем уровне. Кому-то накануне кражи она жаловалась, что у нее не остается денег до получки, а потом пришла на работу в новых сапогах, ну и так далее. Понимаешь, шумиха неприятна в первую очередь мне. Это ведь я назначила Лилию начальницей нового отдела, я ей поверила. Следовательно, была недальновидна и ошиблась. И вот вчера, после визита ко мне сотрудников, я вызвала к себе Лилию и допросила. Она расплакалась, сказала, что ее оговаривают и денег она не брала. А еще рассказала, будто у нее появился богатый поклонник, который завалил ее подарками, и что у них очень серьезные отношения. Дескать, он сделал ей предложение, и скоро у них будет свадьба. Конечно, я бы могла ей и не поверить, но, во-первых, она говорила убедительно, а во-вторых, я имела счастье тем же вечером нового поклонника ее лицезреть. Симпатичный мужчина лет тридцати – тридцати трех, на серебрястом джипе. Открыл ей дверцу автомобиля и смотрел влюбленными глазами. И что мне теперь думать?

– А сотрудники, значит, активно подводили тебя к мысли, что Лилия обнаглела, чувствуя твою поддержку. Может, их кто-то надоумил ее обвинить?

– Правильно понимаешь. И я хочу в этом непременно разобраться. Но настроения в коллективе такие, что, если я в ближайшее время вора не найду, мне придется уволить Лилию. Сплетни, шепотки за спиной, смешки – противно до ужаса. Кстати, я уже раньше странности замечала, как будто пересуды какие-то идут, но мне даже в голову не приходило, что это обо мне. А вот теперь, когда все выяснила, неприятно поражена.

– М-да, странно все это. А не может так быть, что все-таки именно Лилия виновата? Ну бывают же у людей расстройства психики, kleptomания например. Это ведь не сразу проявляется, в периоды ремиссии человек ведет себя совершенно нормально. Вдруг у нее что-то подобное?

– Нет, не могу поверить.

– Да уж, бредовая история.

– Вот и я о том же. Для меня сейчас важно не просто выяснить, кто воровал, а прежде всего – зачем. Почему-то не отпускает ощущение, что мотив вовсе не деньги, как ни странно это звучит.

Александра с сожалением посмотрела в пустую чашку из-под кофе, повертела ее и встала.

– Надо же, выпила и даже не заметила когда. Фая, будешь еще? Кстати, у меня есть восхитительные пирожные и, что, без сомнения, является их несомненным достоинством, малокалорийные. Так как?

– Не знаю. Мне что-то последнее время ничего не хочется. Пирожных – тем более. Но ты на меня внимания не обращай, ешь.

Александра посмотрела на нее с подозрением.

– Фая, ты от меня ничего не скрываешь? Может быть, стоит все-таки сходить к врачу?

– Ах, Алекс, – отмахнулась Фаина, – ты же прекрасно знаешь, что это тут ни при чем.

– Ну ладно. Не хочешь пирожных – не надо. Но кофе-то будешь?

– Если можно – зеленый чай.

Александра согласно кивнула и, встав, вышла в приемную к Зине. Оттуда раздался смех обеих, и лицо Фаины сразу стало непроницаемым. Она ценила и уважала своих подчиненных, но не понимала стремления Александры со всеми быть *sur un bon pied*. Совершенно необязательно дружить с теми, кто получает от тебя зарплату, считала она.

Вернувшись, Александра села на кожаный диван и, закинув ногу на ногу, сказала:

– Мне сейчас одна идея в голову пришла. Все-таки я своего знакомого из милиции задействую в твоём деле. – И, увидев протестующий жест Фаины, торопливо закончила: – Воспользуюсь его связями с частными детективными агентствами. Уж он-то наверняка знает, где работают настоящие профессионалы, а где сидят бездельники, умеющие только деньги загребать.

Фаина, ранее вытянувшаяся от напряжения как струна, сразу обмякла и вяло кивнула.

– А... Ну, ладно. Пускай.

Александра взяла мобильник, достала его из чехла и, вытащив салфетку из тубы, протерла ею дисплей. «Царапина» на нем стерлась, и это ее порадовало.

«Точно как в анекдоте: у компьютерщика спросили, что такое счастье, он ответил: это когда битый пиксель сковыривается ногтем», – подумала она.

Найдя в записной книжке нужное имя, она нажала на кнопку звонка и взглянула на Фаину. Та сидела с застывшим лицом и с совершенно прямой, напряженной спиной.

– Все будет хорошо. – Александра ободряюще улыбнулась и махнула подружке рукой. – Эдуард Петрович? – проворковала она в трубку. – Вспоминали меня добрым словом? Да ладно, шутить изволите. Наверняка желали, чтоб островные аборигены съели меня на завтрак?..

Фаина встала и отошла к окну, давая понять, что она эти отношения не слишком одобряет. Она была в курсе не только истории знакомства Александры и Лямзина, но и знала, чем все закончилось¹. И ей не нравилось, что Лямзин психанул и уехал, оставив Алекс рыдать в одиночестве. По ее мнению, мезальянс – он и есть мезальянс, и не стоит снова в этот союз влезать – было уже подобное в жизни Александры. «Никогда мужчина, который ниже женщины по социальному статусу, не смирится с этим», – считала она. Александра же ее мнения не разделяла, а над страхами смеялась.

Наболтавшись вдоволь, она повернулась к Фаине с чрезвычайно довольным видом.

– Думаю, сегодня я твою проблему решу. – Она коснулась ладонями раскрасневшихся щек. – Причем в самом лучшем виде, можешь не сомневаться. Подполковник Эдуард Петрович Лямзин в данном случае – это то, что надо.

– Уверена? – с сомнением посмотрела на нее Фаина. – Мне показалось, ты все как-то не по существу говорила. Кокетничала, заигрывала, флиртовала. О каком деле может идти речь?

– Ах, Фая, твое отношение к Эдику я уже знаю, – Александра захохотала, – поверь, все не так страшно, как кажется тебе.

Фаина поджала губы:

– Вечно у тебя какие-то экстравагантные выверты в личной жизни. Ну вот чем тебе был плох Вадим? Какой красивый мужчина! Все пациентки его заглядывались...

– Фая, – перебила ее Александра, – если Вадим – хороший врач, это еще не значит, что он хороший муж. И потом, он мне замуж не предлагал.

– Тебе просто стоило быть немного настойчивей. И терпеливей. Человек два раза обжегся, не мог же он очертя голову в роман с тобой броситься.

Александра поморщилась.

– Ерунда, он вообще рохля. Никогда сам ни на что в отношениях решиться не может. Ну да мы отвлеклись, вернемся к делу. Я считаю, что такие вопросы, как твой, надо с глазу на глаз решать, а не по телефону. Так что я сегодня поеду к Лямзину и все сделаю. Обещаю.

¹ История знакомства опера Лямзина и Александры рассказывается в романе Дианы Бош «Разносчик пиццы», издательство «Эксмо».

* * *

Они познакомились, когда Александра после балетного училища пришла работать в труппу театра. Ей было девятнадцать, Фаине только исполнилось двадцать три. Фая сразу прониклась к молодой балерине симпатией и всячески начала опекать и поддерживать ее. В атмосфере сплошных заговоров и интриг это оказалось совсем нелишним, и Александра была ей искренне благодарна. А когда через полгода подруга вышла замуж и оставила театр, Алекс затосковала. Свободолюбивая и независимая, она всегда тяготилась железной дисциплиной и многими ограничениями, которым должны были постоянно подвергать себя балетные. И потому, как только подвернулась возможность, она тоже ушла. Но если для Фаины с балетом было покончено навсегда – она решила родить ребенка и полностью погрузиться в материнство, то Александра выбрала щадящий вариант. Она нашла место преподавателя в балетной студии и с удовольствием занялась новым для себя ремеслом – обучением детей танцам.

Но хотя жизнь Фаину и Александру развела в разные стороны, дружба между ними не только не прекратилась, а стала еще крепче. Вскоре Фаина родила девочку, и Александра стала той крестной матерью.

* * *

Фаина помешала ложечкой остывающий чай и прервала затянувшуюся паузу:

– Знаешь, я в юности жутко обижалась на каждую несправедливость, допущенную по отношению ко мне. И на досуге придумывала характеристики людям, замеченным в неблагоприятных поступках. Потом так увлеклась этим, что классификация разрослась вглубь и вширь, причем я не обделила своим вниманием и положительные персонажи.

– А ну-ка, расскажи, – заинтересовалась Александра.

– Да, право, не стоит. – Фаина коротко хохотнула, но, искоса бросив взгляд на заинтересованное лицо подруги, решила. – Ну, первый тип – это «индюк». Таких раздувает от собственной важности, независимо от их достижений. Причем чем меньше этих достижений, тем больше пучит индюка. Кстати, сделаю отступление – индюшки еще хуже, тех пыжит не от своих успехов, а от достижений мужа настолько, что они теряют чувство реальности. Успехов друзей или их детей органически не переносят.

– О, я знаю один такой экземпляр, – засмеялась Александра. – Девушка все время рассказывала о своих знаменитых знакомых и собственных грандиозных планах, а в итоге все оказалось сущей чепухой.

– Значит, ты меня понимаешь. Второй тип – «рыба-прилипала». Эти крутятся вокруг, если чувствуют, что с тебя можно что-то поиметь. Не важно что – деньги взаймы, и лучше без отдачи, или рецепты к новогоднему столу. Чтобы добиться своего, старательно вылизывают тебя с ног до головы. Трагедии случаются и у них – когда приходится выбирать между двумя дойными коровами и если выбор в итоге сделан неправильно.

– Таких, пожалуй, я тоже встречала. Хотя я старательно избегаю их. Пока удавалось, – сказала Алекс.

– Значит, тебе везет. У меня есть сотрудница, никак не могу от нее избавиться. Вроде бы все правильно делает, придраться не к чему, но прилипчива до безобразия. Раздражает. Хотя, пожалуй, она больше к типу карьеристов подходит. Острый локоток конкуренту в бок, вовремя умело поданная сплетня – и вот она уже в полушаге от успеха.

– Ты не ее случайно подозреваешь? – спросила Александра.

– В краже денег?! Нет, ну что ты. Она на такой риск не пойдет. А вот повернуть ситуацию в свою пользу – это она может.

– Крушение карьеры подобные люди обычно воспринимают как катастрофу.

– Так и есть. Она уже сейчас обвиняет в своих неудачах кого угодно, но только не себя. – Фаина на мгновение запнулась, потом устало махнула рукой. – Я, наверное, занимаюсь не своим делом. Мне всегда нравились барды, поэты, бродячие странники, я даже когда-то мечтала стать подругой одного из них. И это даже произошло, если ты помнишь.

– Конечно, – Александра кивнула.

– Потом я «повзрослела», набралась житейского практицизма и вышла удачно замуж за умного, богатого и красивого, – она горько усмехнулась, – вот только счастья с каждым годом все меньше и меньше.

– Фая, все будет хорошо, только не надо переживать, – обеспокоенно сказала Александра.

– Ах, перестань, не успокаивай меня, – отмахнулась Фаина. – Мне тридцать девять лет, и моя жизнь похожа на пыльный мешок. Я сама не знаю, когда, в какой момент, окончательно опустила себя туда и завязала сверху тесемку столь крепким узлом, что уже не развязать. И нет мне оттуда возврата. Даже если вылезу, все равно буду грязной.

– Но...

– Не надо! Не хочу слушать никаких возражений! – резко сказала Фаина и поднялась. – Понимаешь, Алекс, я знаю, о чем говорю. И успокаивать меня не стоит.

Александра после ее ухода еще долго сидела, задумавшись. Такая Фаина разительно отличалась от обычной – спокойной и невозмутимой, какими, как правило, бывают все балетные. У них желание веселиться и болтать без умолку отбивают еще в детстве железной дисциплиной и муштрой, подобной армейской. Привычка говорить и двигаться тихо в итоге так въедается в подкорку, что остается на всю жизнь почти у всех. Но на Александре балетные порядки мало сказались в силу ее характера – она всегда была взбалмошной и бойкой, с легкостью попирающей любые авторитеты. Правда, железная дисциплина и ее заставила немного усмирить свой нрав, но это даже, пожалуй, пошло ей на пользу. Ее «дикий» авантюризм, насильно закованный в рамки, приобрел цивилизованные черты. Хотя все равно временами Александра выглядела бунтаркой.

Но Фаина – нет. Талантливая, изящная, красивая той благородной красотой, которую отразил в своих картинах Карл Брюллов, она всегда казалась воплощением спокойствия и кротости. А выяснилось – вон какие вулканы дремлют в ее душе.

Александра выплеснула гущу кофе в раковину, сполоснула чашку и налила в нее чистой воды. От совершенно нереальной жары ее все время мучила жажда. А кофе, как, впрочем, и чай, жажду утоляет, но лишь на короткое время. Потом с новой силой хочется пить.

Глава 2

Avaritia. Алчность

Пробило полночь, и Юсуф, или Юра, как он предпочитал представляться, живя в России, вышел на крыльцо покурить. Луна висела огромная, желтая, и звезд здесь, вдали от центра Москвы, было видимо-невидимо. Яркие, как фонари, они сияли на чернично-черном небе, вызывая легкую оторопь у городского жителя. Постепенно забываешь, как их много, если год за годом видишь блеклое от городских огней небо. Юра-Юсуф поднял голову и по-звериному сильно втянул ноздрями воздух, так что легкие наполнились и раздулись, как меха. Эх, хорошо! Скоро будет готов паспорт, и он – туту! – уедет за границу. В Америку. И там уже сможет спокойно вздохнуть. Не надо прятаться, не надо пугливо озираться, заслышав за собой осторожные шаги. Ничего не надо. Потому что он станет жить свободно, как честный гражданин.

На этом месте своего мысленного монолога речи он хмыкнул, искривив в улыбке щербатый рот.

– Будто бы, будто бы честный, – пробормотал он, продолжая ухмыляться.

Привыкший зарабатывать криминальным путем, он не представлял себя ежедневно отправляющимся по утрам на работу. Нет, такая жизнь ему не по нутру. Да и рулетку он любит покрутить, в покер поиграть. Пока отсиживался за городом, аж скулы от тоски сводило. Так и хотелось плюнуть на все, да и махнуть куда-нибудь в казино. Зеленое сукно, шуршание карт, мелодичное пощелкивание фишек. Барменша улыбается, официантки снуют, девчонки карты поднять присаживаются. От возникшего видения под ложечкой засосало.

Он достал сигарету и чиркнул спичкой. Прикурив, потряс рукой, чтобы погасить пламя. Дуть на огонь нельзя – это он еще в детстве усвоил. Во-первых, это по-бабски, а во-вторых, так можно свое счастье «задуть». А этого Юсуфу-Юре сильно не хотелось. Ему нельзя, он только начинает жить – он сдавленно и хрипло засмеялся, и тут вдруг странный звук привлек его внимание. Будто камешек сорвался со стены и покатился к нему. Юсуф обернулся, всмотрелся в темноту, и боль взорвалась в мозгу огнем. Он выпустил сигарету из рук, хотел схватиться за левый глаз, да так и рухнул с поднятой рукой как подкошенный.

Это неправда, что при мгновенной смерти люди ничего не успевают почувствовать. Они ощущают, как рвутся мышцы и раздраются кровеносные сосуды, они успевают ощутить животный, безумный страх, в их мозгу бьется мысль: неужели это происходит со мной? Неужели все? И только потом падают замертво. Да, это длится всего лишь мгновение, но оно заполнено адской, нечеловеческой болью.

* * *

Старший оперуполномоченный по особо важным делам «убойного» отдела МУРа, подполковник милиции Эдуард Лямзин стоял, задрав голову, и рассматривал двух голубей. Высокий синеглазый брюнет был одет слегка легкомысленно, совсем не в соответствии со своим положением солидного милицейского чиновника. Да он и не чувствовал себя важным и серьезным, по-прежнему в глубине души оставаясь мальчишкой.

Примостившись на изящно вылепленном карнизе здания, голуби были так заняты любовной игрой, что никого вокруг не замечали. Голубок топорщил перья, пыжился, ходил гоголем вокруг своей дамы, залетая то справа, то слева, а она, как и положено знающей себе цену кокетке, делала вид, что не обращает никакого внимания на ухажера. Изредка она бросала на него мимолетные косые взгляды, потом невозмутимо чистила перья, демонстрируя полную безмятежность и леность, но стоило ему сделать навстречу хоть шаг, тут же отлетала. Совсем

на чуть-чуть, только чтобы голубок слегка испугался, что сейчас лишится подруги, но надежды не потерял и продолжал попытки завоевать ее.

Лямзин, довольно смеясь, достал фотоаппарат и сделал несколько быстрых снимков. Голубка между тем продолжала дразниться, кокетливо перелетая с места на место, а ухажер семенил за ней мелкими шажками, раскидывая крылья и утробно урча. Казалось, дело движется к любви и согласию, дама уже начала благосклонно подпускать к себе кавалера, как вдруг откуда-то из бездонного синего неба прямо на них свалился третий голубок. Он бесцеремонно втиснулся между ними, нагло расставил крылья и выпятил грудь. Похоже, соперник никуда не торопился и не собирался улетать.

Клекот у пришельца был громче, поступь тверже, а сам он намного крупнее и нахальнее. Первый голубок, сообразив, что у него теперь нет шансов, сник и нахохлился. Потом угрюмо опустил голову и сделал вид, что задремал.

Лямзин успел снять всю троицу только раз после перемены ролей, как счастливая парочка, дружно взмахнув крыльями, унеслась в небеса, оставив незадачливого кавалера переживать свое поражение.

Подполковник еще некоторое время смотрел в небо, будто надеясь что-то там разглядеть. Потом поймал на ладонь сорванный порывом ветра, выжженный солнцем лист березы и загрустил. Вроде недавно деревья покрывала сочная зеленая листва, и было прохладно, и шел дождь... В такой вечер он познакомился с Александрой. Как-то нелепо с нею все получилось...

Он болезненно поморщился и смял лист, сжав пальцы в кулак. Александра появилась в его жизни внезапно, вынырнув на дорогу из-за раскидистого куста. Он сбил ее автомобилем и страшно испугался, решив, что девушка мертва. Оказалось, у нее всего лишь несколько царапин да испачканное платье. Лямзин торопился тогда на место происшествия, а Алекс никак не могла решить, куда же ее отвезти. И он взял ее с собой.

В груди при воспоминании о двух днях, проведенных с Александрой в старинном особняке, разлилось сладкое тепло. Даже то, как она неуклюже пыталась помочь ему в расследовании, сейчас вызывало умиление. Жаль, что все закончилось разрывом. Он не смог простить, что она не рассказала ему о себе правды. А Александра, быть может в отместку, укатила отдыхать, отключив телефон. Лямзин дозвонился по домашнему, но ему передали ее ответ: «Александра Ильинична сама вам перезвонит, как только вернется».

...Мимо проехал свадебный кортеж, ошалело и радостно сигналив, и Эдуард не сразу услышал, как разрывается его телефон. Он с сожалением убрал фотоаппарат, достал мобильник и преувеличенно бодро ответил на звонок.

– Ну где ты ходишь? – недовольно буркнул полковник Плановой в трубку. – И зачем тебе телефон, если ты на звонки не отвечаешь? Или ты его с собой не берешь? Я тебя зачем с собой на Петровку взял: чтоб ты был моей правой рукой или пропадал неизвестно где?

С уст начальника сочился яд, причем чем дальше, тем больше. Плановой разогревался постепенно, как паровоз, несущийся с горы, но в отличие от техники остановить его можно было не силой, а долей здорового оптимизма.

– Извините, Константин Михайлович, я был не прав, исправлюсь, – бодро отрапортовал Лямзин.

– То-то же, – смягчился Плановой и отхлебнул чаю так шумно, что в трубке хрюкнуло. – Мне, вишь, вон даже чайку попить спокойно не дают, а тебя где-то нелегкая носит. Значит, так, сейчас едешь срочно ко мне. Не задерживаясь нигде, проходи сразу в мой кабинет, тебя тут один товарищ ждет. Потом поедешь с ним, у него на стройке произошло убийство.

– Прямо так сразу и убийство? Может, все-таки несчастный случай? – с надеждой спросил Лямзин.

– Не спорь со старшими. Убийство. Если только, конечно, ты не знаком с людьми, которые способны арбалетную стрелу себе добровольно в глаз воткнуть.

Лямзин помолчал.

– Вот даже как. Вообще-то из арбалета в глаз самому себе попасть трудно.

– Да, и еще личная просьба. Хозяин стройки, предприниматель Андрей Тамбовцев – мой близкий друг. А ему крайне не хочется излишней шумихи вокруг его объекта и самой его персоны. Хотя понятно, совершенно избежать огласки не получится, слухи уже начали расползаться по окрестностям, но главное, чтобы в газеты не попало. Раздуют так, что потом концов не найдешь, кто прав, а кто виноват. Попробуй отмойся. Твоя задача – постараться свести суету вокруг Андрея к минимуму и провести расследование в сжатые сроки. Главное, что хотелось бы исключить – это распри на национальной и религиозной почве внутри коллектива, потом проверишь версию скинхедов, и если все будет тихо, можно считать, половину своей работы ты сделал. Ну да что я тебе говорю, ты и сам все знаешь.

– Так убитый – нерусский?

– Нет. Подробнее тебе все мой товарищ расскажет – кто, чего, откуда и как тут очутился. Ну, давай, подъезжай.

Лямзин тоскливо оглянулся на кофейню, жалея, что занялся фотографированием вместо того, чтобы отдохнуть в прохладе и выпить кофе, но тратить время на удовольствие не решился. Вдруг официант особый попадется. Из тех копуш, которые несут заказ полчаса, но стоит отчаявшемуся клиенту встать и направиться к выходу, как его перехватывают у самой двери. Он сует вам в руки чашку обжигающего кофе, приветливо улыбаясь и рассыпаясь в извинениях, а ты, расплатившись и торопливо сделав глоток, понимаешь, что пить нет никакой возможности и ждать, пока кофе остынет, – тоже. И остается только плюнуть разочарованно в чашку и бежать по своим делам, злясь на неповоротливого официанта, а заодно и на себя, что бездарно потерял свободные минуты.

В кабинете у Планового сидел высокий светловолосый мужчина и грустно пил чай. На вошедшего Лямзина он посмотрел с тоской и надеждой.

– Знакомьтесь, – представил их друг другу Плановой. – Подполковник Эдуард Петрович Лямзин, практически моя правая рука. Мой друг – Андрей Тамбовцев. Надеюсь, вы останетесь довольны друг другом.

Лямзин осторожно покосился на чайник:

– Чаю можно попить?

– Минералки выпей, и вперед. Нечего было по городу в рабочее время болтаться, голубей гонять. Вечно тебя не дождешься.

– Вот так всегда. Трудно работать с ясновидящим начальником: все знает.

Плановой сбил со стола щелчком жука-бронзовку, проследил взглядом за обиженно взмывшим к потолку насекомым и поморщился. С утра от жары раскалывалась голова, и вторая принятая таблетка не помогла.

– Иди уже. Остряк.

Получив доброе напутствие в спину, Лямзин вышел. Машина Тамбовцева раскалилась на солнце, и первые минуты в ней было нечем дышать. Потом, когда температура немного опустилась и по сравнению с уличной жарой в салоне даже стало комфортно, подполковник задал вопрос.

– Давайте подробнее, – сказал он, – рассказывайте все, что знаете о потерпевшем. Кто он, как у вас очутился, чем занимался, с кем дружил.

– С кем дружил – не знаю, – поворачивая на светофоре и внимательно глядя на дорогу, ответил Тамбовцев. – Я его вообще пару раз всего видел, да и то мельком. Юсуф у меня на стройке работал ночным сторожем. Я обычно приезжаю утром, когда он уже спит. Спал, – поправился он. – Примерно к обеду просыпался и помогал рабочим на стройке. Неквалифицированную работу выполнял – раствор поднести, кирпичи. Да вам все лучше меня Тимофеич

расскажет, мой прораб. Я полностью кадровые вопросы ему доверил, мне как-то не с руки вмешиваться в них.

По тротуару шла девушка в легком белом платье, и Лямзин невольно проводил ее взглядом, в первое мгновение приняв за Александру.

– Ладно, хорошо. Тогда мне обязательно нужно с вашим прорабом поговорить. Он будет сейчас на стройке?

– Конечно. Он уже ждет. Я звонил.

Тамбовцев посигналил неумело перестраивающемуся в левый ряд желтому автомобилю, обогнал его и покатил дальше, набирая скорость.

– У нас места там красивые, зеленые. Деньги были – надумал дом отдыха построить. Начал строительство четыре года назад, сначала оно бурно пошло, а потом бац – и кризис. Вот только сейчас выбираться из долгов начал, настолько финансовые дела плохи были. Если бы не эти проблемы, я уже закончил бы строить. И смерть на стройке – что вилы в бок. Сейчас шумиха поднимется, и вместо стабильной работы начнется суета.

Он нахмурился и помрачнел.

– Андрей, а каков национальный состав вашей строительной бригады, вы в курсе? Не могли ли действительно возникнуть распри на национальной почве?

Тамбовцев задумался. Лоб у него от напряжения сморщился в гармошку, а между бровями пролегла глубокая борозда. Некоторое время он напряженно всматривался в дорогу, словно забыв про вопрос, а потом медленно произнес:

– Нет, вряд ли. Мне так не кажется. Но полностью этого исключить не могу.

– Так вы не ответили, какой состав?

– Я вот что скажу: мне бы очень хотелось, чтобы шумихи вокруг моей стройки не было. Не дай бог, журналюги пронюхают, и начнется – национализм, скинхеды, расовая рознь. Так оно или не так, выяснится позже, а трепать нервы будут упорно и долго. Мне этот хоровод вокруг моего имени ни к чему. А состав рабочих, да, пестрый. Все есть: и русские, и украинцы, и два казаха, и таджик. Юсуф, правда, откуда-то с Кавказа, точнее не знаю. У Тимофеича спросите. Но мирно все всегда было, никаких скандалов. С чего бы им с ночным сторожем воевать?

– Ладно, посмотрим, – нахмурился Лямзин, и Тамбовцев заметно напрягся.

То, что Андрей достаточно точно назвал национальность рабочих, не вязалось с его же предыдущим утверждением, будто всем занимается только прораб. «Выходит, раз он потрудился узнать, кто именно работает на его стройке, то этому была причина. И теперь он просто пытается ее скрыть», – думал Лямзин.

Тем временем автомобиль подъехал к живописному месту на краю Москвы и покатил по изрядно разбитой дороге.

– Хорошо тут у вас, – озираясь по сторонам, сказал Лямзин. – Пруд рядом, ребяташки купаются, березовая рощица прохладой манит. В такую жару просто идиллией кажется. Даже не верится, что я здесь только потому, что там, за высоким серым забором, лежит труп. Эх, сюда бы к вам с удочкой приехать, а не убийство расследовать да улики искать.

– Так в чем же дело, – заулыбался, расслабившись, хозяин, – приезжайте, приглашаю. Вот достроим скоро, и давайте, на новоселье к нам вместе с женой.

– Я не женат. За приглашение спасибо, даст бог, соберусь как-нибудь. Ограждение какое у вас... капитальное. Мышь не проскочит. По всему периметру так?

Андрей пожал плечами.

– Не знаю. Признаться, давно по территории не ходил, может, выломали где. Но было, да, по всей.

– Ага. Ну ладно, надо с вашим прорабом потолковать, сдастся мне, он много чего интересного знает. Да и с рабочими не мешает переговорить.

Тамбовцев остановил машину под тенью раскидистого дерева и, выйдя, убедился, что она вскоре не окажется под палящим солнцем.

– Конечно, пойдёмте, товарищ подполковник.

Он открыл калитку и, пропустив вперед себя Лямзина, вошел сам. Почти вся территория стройки находилась под палящим солнцем, и только с левой стороны к вагону крепился легкий летний навес. Под ним стояли и сидели рабочие, на лицах которых не было никакого траура. Скорее удовольствие от вынужденного прогула.

Начальник местного уголовного розыска майор Казаков стоял рядом с судмедэкспертом, осматривавшим труп, и что-то быстро писал. Когда Лямзин подошел к нему, он поднял голову и приветливо кивнул.

– Здравствуйте, Эдуард Петрович. Мне уже звонили из управления, сообщили, что вы должны подъехать, – сказал он.

Подполковник коротко взглянул на труп и снова повернулся к Казакову:

– Прораба опросили, нет? Я переговорю с ним сам, затем пусть кто-нибудь из оперов запишет его показания.

Прорабом оказался невысокий коренастый человек с продубленной ветрами, коричневой от загара кожей. Он смотрел прямо, не отводя глаз, и Лямзин поразился, какими яркими и юными они казались на его немолодом морщинистом лице. В ответ на приветствие он степенно и с достоинством кивнул.

– Вот, знакомьтесь, это наш прораб, Василий Тимофеевич, – представил его Тамбовцев. – Беседуйте, а я вас пока оставлю.

Он быстрыми шагами удалился за территорию стройки, словно хотел поскорее оказаться подальше и от людей, собравшихся здесь, и от оскверненного преступлением места. Выражение лица у него при этом было такое, словно, будь его воля, он бы здесь больше не появился. Да и недостроенный дом отдыха продал бы, только бы ничего не напоминало о произошедшем накануне ночью. Лямзин его хорошо понимал. Как бы то ни было, но землю, на которой строит дом, человек считает своей, и то, что там происходит, воспринимает как личную трагедию.

Если банальная кража порой вводит людей в такое состояние, что они, не контролируя себя, рыдают, цепляются за стражей порядка руками, умоляя поскорее найти похищенное, то что уж говорить об убийстве.

Эдуард проводил Тамбовцева взглядом и повернулся к прорабу:

– Не могли бы вы, Василий Тимофеевич, рассказать мне историю появления у вас на стройке человека, погибшего сегодня ночью? Кто его нанял, когда и при каких обстоятельствах.

Прораб невольно оглянулся на лежащее в стороне тело, и по лицу его пробежала мгновенная тень. Что-то смущало его, нечто такое, о чем ему не очень хотелось говорить. Лямзин в это время молча изучал его, не торопя, давая успокоиться и свыкнуться с мыслью, что рассказывать все-таки придется. Молчал Тимофеич довольно долго. Он достал папиросу из портсигара и крутил ее в руках, разминая. Потом, видимо решившись, быстрым движением зажег огонь и, прикурив, сказал:

– Ладно, расскажу. Есть у меня товарищ, Слава Казанов. С армейских лет дружим с ним. Как-то раз, примерно месяца два назад, он позвонил мне и обратился с просьбой. Возьми, говорит, к себе на работу моего старого друга. Юре тяжело сейчас, он от жены ушел, а жить, значит, негде. А у тебя, говорит, есть вагончик для рабочих, и он мог бы там ночевать. Не дай ему пропасть. Я согласился, даже проверять не стал.

– Казанов как-то объяснил уход от жены его друга? Что там произошло?

– Да загуляла, сказал. А у меня на тот момент как раз ночной сторож уволился, срочно человек нужен был.

– Казанов это знал?

– Конечно. Я сам ему рассказал. Ну я и взял этого Юсуфа сторожем работать. Договорились, что будет в вагончике жить, пока квартиру не найдет. Да, еще: он всем представлялся как Юра, я позже узнал, что он Юсуф.

– Это я уже понял.

– Надо сказать, как к работнику у меня к нему нареканий никаких не было. Безотказный. Кроме того что по ночам сторожил, он еще и днем, как проснется, всякую неквалифицированную работу выполнял. В общем, работающим был.

– Что-нибудь подозрительное замечали за ним?

Прораб задумался, потом медленно покачал головой:

– Нет. Кроме того что он сиднем сидел на стройке и никуда не выходил. Как-то странно для меня это. Все обычно рвутся в центр Москвы съездить, по магазинам походить. Особенно когда зарплату получают. Даже отпрашиваются порой, уговаривают, если отгул не даю. А этот – нет. Он и за ограду старался без особой нужды не выходить. Сначала я думал, что у него с деньгами туго, оттого и не ходит никуда. Но нет. Получив зарплату, он все равно дальше соседнего ларька не ушел. Накупил там сигарет, лапши в пакетах да чая. В какой-то момент я даже решил, что он кого-то боится и скрывается. Но, поразмыслив, понял, что такого не может быть. Не мог же мне Славка невесть кого подсунуть и даже не предупредить?! Но на всякий случай я к нему с расспросами подступил. Кого, говорю, ты ко мне работать устроил? Прячется он или что?

– Когда это было?

– Дней десять-двенадцать назад, точно не помню. А, вспомнил! Матч футбольный по телевизору шел, я еще от него Славку оторвал, и он злился немного. Да. Ровно две недели назад это было. А друг – заядлый болельщик, поэтому, чтоб скорее от меня избавиться, быстро и выложил все. Оказывается, сам он этого Юра-Юсуфа не знал, а позвонил мне по просьбе своего давнего приятеля. Тот ему тоже по телефону просьбу изложил. Когда он имя его назвал, оказалось, что я с тем товарищем хоть и не очень близко, но знаком. Поэтому, не откладывая в долгий ящик, я нашел его телефон и позвонил. И тут выяснилась одна прелюбопытная деталь. Он тоже с Юсуфом лично не был знаком! Да, вот такой пердюмонокль. Получилось так, что пришел к нему наш Юра-Юсуф с запиской от их якобы общего друга, в которой была просьба помочь ему в трудной ситуации. А проверить было нельзя – тот друг уехал в геологоразведочную экспедицию и до сих пор не вернулся. Он если уезжает, то обычно отсутствует несколько месяцев. Выслушал я это, и очень мне все не понравилось. В общем, не буду рассказывать как, но я хотя и с трудом, но на этого товарища вышел. Да, еще. Если это важно, то человек этот – геолог, родом из Нальчика. Короче, я дозвонился и сквозь треск и шум разрядов в трубке успел услышать, что лично он нашего Юра-Юсуфа знал, но вот с запиской его ни к кому не посылал.

– Вот как! Хорошие сыщицкие способности у вас, не всем такое дано. И что же было дальше?

Папироса у Тимофеича догорела, и он прикурил от нее новую. Жадно затянулся, немного помолчал и продолжил:

– А дальше я честно обо всем нашему Юре-Юсуфу рассказал. И предупредил его: больше ждать не буду. Или, говорю, документы приноси, или увольняйся, – он смущенно кашлянул. – Да, я его без документов на работу взял. Он мне сказал, что украли их у него, но он все скоро восстановит, только нужно немного подождать. А так как друг просил за него, ручался, то я и пошел на уступки. Выходит, что зря. Но откуда же я знал...

Тимофеич часто-часто заморгал, и глаза его увлажнились. Дома у него больная жена, двое детей и новорожденный внук, а зарабатывает сейчас он на всех один. И если его уволят или оштрафуют, им придется туго. Но сказать это оперу он не посмел – не позволяла гордость.

Да и мысль, что вряд ли его проблемы кому-то интересны, не давала открыть рот. Он украдкой сморгнул слезу и, глядя в землю, тяжело вздохнул.

– Итак, вы поговорили с Юсуфом, но он не ушел. Как думаете, почему? – спросил Лямзин.

– Он попросил две недели. Я, говорит, тогда все, что нужно, принесу. «Не дай, – говорит, – мне, как собаке подзаборной, на вокзалах ночевать». Ладно, думаю, пусть живет. Вы меня поймите, – неожиданно горячо воскликнул прораб, – он работник-то хороший! Не за что мне было его выгонять. Да и чисто по-человечески: ну, живет и живет. Ничего же не делает худого.

Он замолчал, переживая.

– Я в миграционную службу сообщать не собираюсь, у меня другая юрисдикция, – успокоил его Лямзин. – Дальше-то что было? Ведь что-то потом случилось, не так ли?

– Да. Спустя дня три после того разговора Юсуф внезапно рванул в город. Не было его целый день, вернулся он под вечер мрачный и злой. Стоял у кирпичей, курил да названивал кому-то. Что-то на своем гортанном языке кричал, ругался, рукой свободной махал, будто рубил дрова. Мне даже показалось – угрожал, но я могу ошибаться. Потом подошел ко мне и говорит: все нормально, документы скоро будут. Я и успокоился, не стал уточнять, что и как.

– Понятно. Спасибо за информацию. Пожалуй, я пойду, осмотрю тело.

Подполковник прошел к тому месту, где лежал труп, и присел рядом, разглядывая его. Нескладное тощее тело, жилистые руки с прокуренными желтыми пальцами, черные, в мелких завитках волосы с сильной проседью, крупный хищный нос и щербатый, с редко посаженными зубами рот. Стрела вошла глубоко и торчала из глазницы почти под прямым углом. Лямзин склонился ниже и всмотрелся в нее.

– Та-ак, интересно, – задумчиво протянул он.

Чуть ближе к острию виднелась часть какой-то надписи: круглая буква «а», и на конце латинское «tia». Об остальных буквах можно было только догадываться – их закрывали кровавые кляксы.

– Вытащить пытались? – спросил он у приблизившегося к нему Казакова.

– Бесполезно, – хриловато ответил тот, – после того, как криминалист разрешил, я уже пробовал. Без инструментов специальных не достать, так прочно застряла в кости.

– Судмедэксперт осматривал уже? Что сказал?

– Говорит, стрела вошла очень глубоко. Настолько, что пробила кость и пронзила мозг. Смерть, естественно, наступила мгновенно.

– Вы обратили внимание, на ней что-то написано, – Лямзин указал на буквы, – и мне нужно это внимательно рассмотреть.

Казаков присел на корточки и вгляделся.

– Действительно, что-то написано. А может, это штамп производителя? Тогда нам эта информация мало что даст.

– Да нет же, нет. Вот здесь, смотрите внимательно. Похоже, буквы выгравированы или каким-то другим способом нанесены. К сожалению, плохо видно, везде кровь. Но это обязательно надо выяснить и зафиксировать в протоколе.

– Хорошо. – Казаков с готовностью встал.

Вдруг в группе рабочих, собравшихся в дальнем углу площадки около забора, раздался громкий смех.

Лямзин быстро обернулся:

– Похоже, коллеги убитого не слишком-то опечалены его смертью.

– Так и есть. Они говорят, что толком-то и не знали его. Нелюдимый, молчун, выполнял, как робот, свою работу и ни с кем за это время не то что не сдружился, даже близко к себе

не подпустил. На все вопросы давал односложные ответы. Скажет «да» или «нет» и тут же в сторону отойдет, чтоб еще чего не спросили. Ну люди и оставили попытки сдружиться с ним.

– А вы не спрашивали, может, в гости кто-нибудь приходил к нему, не видели ли его случайно с кем?

– Вроде бы нет. С женщинами не встречался, друзей не имел. Я с каждым подолгу разговаривал, подробно расспрашивал про их житье-бытье да работу здесь, и вот какой всплыл факт...

– Да? – Лямзин напрягся, как охотничья собака, почуявшая дичь.

– Так вот, Юсуф был очень неравнодушен к картам.

– В подкидного дурака играл? – нарочито небрежно спросил Лямзин.

Казаков подбросил на руке монетку с просверленной посередине дыркой, ловко ее поймал и, прищутив левый глаз, поглядел через нее на свет.

– Нет, похоже, все серьезней. Там у них в вагончике телевизор стоит. Так вот, как-то раз после работы все день рождения одного из каменщиков отмечали. Хотели какую-нибудь программу веселую найти, типа юмористического шоу, начали каналы переключать и случайно попали на чемпионат мира по покеру. Так, говорят, этот Юсуф-Юра аж затрясся, как увидел. Пульт выхватил и так и не дал никому больше канал переключить. Словно ненормальный, в экран уставился и стоял, пока передача не закончилась. Да, и еще чисто мое мнение – недолюбливали его здесь. Ладно, пойду, поручу кому-нибудь инструмент принести, попробуем стрелу достать.

Солнце пекло нещадно, и было так душно, что казалось, еще чуть-чуть – и вовсе нечем будет дышать. Между лопатками противно побежала струйка пота, лицо взмокло, и Лямзин, достав платок, вытер лоб.

Сунув платок обратно в карман, он оглянулся на лежащий в тени труп Юсуфа и с гадливостью подумал, что еще немного – и его облепят полчища мух.

– Вот, значит, как, – задумчиво пробормотал Эдик. – Игрок. Ну что ж, надо будет проверить, не задолжал ли ты кому денег, голубь сизый.

Он посмотрел, куда запропастился Казаков, и, не заметив его во дворе, двинулся вдоль ограды. Где-то должен быть лаз, через который преступник наблюдал за Юсуфом и выстрелил затем в него. Но добротный, крытый шифером забор оказался безукоризненным. Лямзин прошел участок, откуда предположительно был сделан выстрел, два раза, но ничего так и не заметил. Потом снова вернулся и начал простукивать шифер шаг за шагом, ощупывая его и пытаясь подвинуть. Вдруг один из листов поддался и отъехал в сторону.

– Так, так, так, – пробормотал Лямзин, просовывая туда голову и оглядывая землю под забором.

Он быстро пересек двор, вышел за калитку и, обогнув площадку по периметру, направился к тому месту, где, скорее всего, и устроил засаду преступник.

Там действительно оказалась примята жухлая трава, вытопанная на пяточке размером примерно с метр. Видно, убийца ждал долго, переминаясь с ноги на ногу и кружась на месте, чтобы не заснуть. И ничего больше. Ни окурков сигарет, ни других следов. Да, при такой засухе глупо было ждать каких-либо отметин. Но все-таки хотелось хоть какую-то зацепку найти.

Лямзин разочарованно направился обратно на стройплощадку, как вдруг в кармане у него зазвонил телефон.

– Слушаю, – рявкнул он не слишком вежливо и не глядя на дисплей, все равно солнце светило так ярко, что разглядеть буквы или цифры было сложно, разве только прикрыв экран ладонью.

И тут же пожалел об этом, потому что трубка нежно пропела голосом Александры:

– Эдуард Петрович, как поживаете? Вспоминали меня добрым словом? Признайтесь, желали, чтоб островные аборигены меня на завтрак съели?

– Да что вы, господь с вами, – почему-то испугался Лямзин. Вероятно, богатая фантазия сразу нарисовала ему мрачную картину пленения Александры дикарями. – И не думал даже.

– Не ду-у-мали, – разочарованно протянула Александра. – А я вот надеялась, что вы по мне скучали. Потому что сама часто вспоминала вас.

– Я не то хотел сказать... То есть...

Руки противно вспотели, и он с изумлением обнаружил, что снова нервничает как мальчишка и совершенно по-детски боится, что она бросит трубку, так и недослушав его.

Но Александра и не думала прерывать разговор. Весело засмеявшись, она с очаровательной простотой призналась, что с удовольствием вспоминает их совместное расследование – да-да, она так и сказала: совместное! – из чего Лямзин в очередной раз сделал вывод, что скромности ей не занимать. А потом заявила: ей срочно нужно встретиться с ним. У нее к нему чрезвычайно важное дело.

Он даже не сразу понял, как так получилось, что он позволил ей приехать на место происшествия и даже подробно рассказал, как добраться. Действовал словно в тумане и очнулся только тогда, когда она весело прощebetала:

– Уже еду! – и прервала звонок.

Несколько секунд Лямзин стоял, глупо улыбаясь летнему жаркому небу, похожему на раскаленную добела сковородку, потом спохватился, услышав, как его зовет Казаков, разыскивая на территории, и быстрым шагом вошел в ворота.

Майор держал в руках стрелу, извлеченную криминалистом из черепа трупа, и сразу заговорил, показывая на буквы пальцем:

– Вы правы, Эдуард Петрович, тут действительно есть слово, написанное вручную. Криминалист говорит, что стрела, похоже, была покрыта лаком, буквы пытались процарапать, а потом выжечь кислотой. Но, видно, делали это неумело, острое зубила соскальзывало, оставляя царапины, и оттого буквы не очень четкие. Но все-таки слово разглядеть можно.

– Avaritia, – прочел Лямзин. – Латынь? И что бы все это значило?

Он сосредоточенно сдвинул брови и задумался, вспоминая. Слово определенно было знакомым.

– Алчность, – проходя мимо, кинул судмедэксперт. – Это действительно латынь. И слово означает один из семи смертных грехов, если мне не изменяет память.

Лицо у Лямзина вытянулось. Только он успокоился, решив, что варианты с национальной рознью и скинхедами в этом убийстве ни при чем, как появилась новая напасть. Кто-то решил поиграть в семь смертных грехов.

– Может быть, это совсем не то, – ворвался в его раздумья голос майора Казакова.

– Что – «не то»? – нервно дернулся Эдуард, не любивший, когда кто-то «влезал» в его мысли. Иногда иллюзия была настолько полной, что он даже вздрагивал, припоминая, не сказал ли чего вслух. – Не один из семи смертных грехов?

– Да. То есть нет. Я хотел сказать, что, может, слово неправильно прочитали: там же все-таки плохо видно.

Лямзин с недоверием уставился на стрелу. Разумеется, он уверен, что не ошибся. Но в то же время буквы действительно были не слишком четкие, будто написаны нетвердой рукой. Пишущий или был неопытен и делал это впервые, или слишком стар, и у него дрожали руки.

Но этот вариант он отмел сразу. Трудно представить себе старика с трясущимися руками, который разгуливает по окраине города ночью с арбалетом в руках, а потом вдруг убивает человека выстрелом в глаз. Конечно, бывают такие нелепые попадания, которые, если даже захочешь, ни за что не повторишь, это был явно не тот случай.

Глава 3

Тайна имени Руслан

Александра приехала, когда Лямзин почти закончил опрос свидетелей. Он совершенно забыл, с кем имеет дело, и потому весьма опрометчиво попросил ее подождать, пока он освободится. Естественно, когда он освободился, ни в машине, ни рядом с нею Александры не оказалось, а нашел он ее в вагончике у рабочих, где она эмоционально спорила с ними на тему, весьма далекую от строительной, – речь шла о филологии. Точнее, об одной ее стороне – этимологии имен. А началось все с того, что кто-то из рабочих сказал, будто бы Руслан нерусское имя.

Лямзин ухватил ее за руку и, во все стороны улыбаясь и извиняясь за подругу, утянул ее оттуда. Сделано это было, по ее мнению, очень не вовремя: во-первых, она не успела договорить, а во-вторых, ее чувство мести осталось неудовлетворенным. В результате ее гнев обрушился на его голову.

– Какого дьявола вы меня тянете, будто щенка на веревке? – громко возмушалась она, пока они шли к машине, и старательно выдергивала из его цепких пальцев руку.

Щеки ее покраснелись, глаза блестели гневом, она то и дело порывалась вернуться в вагончик и договорить все, что не успела. Удержав ее в очередной раз, когда она повернулась идти, чтобы выложить новый, пришедший ей в голову неопровержимый аргумент, Лямзин деликатно, но твердо впихнул ее в машину, на сиденье рядом с водительским.

– В таком состоянии вам за руль садиться нельзя, вести буду я, – сказал он.

– Почему нельзя, куда вы меня собираетесь везти? – вскипела Александра, которая никак не могла отойти от пыла спора.

– Очень есть хочется, – умиротворяюще произнес Лямзин, поднимая руки вверх, будто сдаваясь. – Предлагаю посидеть в тихом уютном местечке здесь неподалеку и поесть мидий в чесночном соусе. Или сациви из курицы. Или плов из барашка. Ах, какой там подают плов! С зирой, барбарисом и сочными нежными кусками мяса. Рекомендую. Настоящий узбекский плов!

Александра от неожиданности замолчала и широко распахнула глаза. Потом голодно сглотнула слюну и жалобно произнесла:

– Ой, я с утра ничего не ела и только сейчас об этом вспомнила. Ну вот зачем вы мне все это перечислили! Я теперь так есть хочу, что просто умру.

– Я вас спасу, прекрасная незнакомка, – спародировал он плохую театральную игру, заводя мотор, и продолжил уже нормальным тоном: – Кстати, здесь недалеко ехать, так что преставиться не успеете. Рассказывайте-ка лучше, чем вас рабочий класс обидел.

Она недовольно покосилась на него.

– Все бы вам подшучивать. Тут, понимаешь ли, моя честь задета.

– Ваша? Да я их!!! – он шутливо погрозил кулаком в пространство.

Но Александра уже успокоилась и потому сразу включилась в игру.

– Берите выше, – заговорщицки понизила она голос, – всей земли русской! Представляете, они вздумали утверждать, что Руслан – абсолютно мусульманское имя.

– Ну да, любят мусульмане это имя, точно.

– А я французский луковый суп люблю, и что? Он от этого станет русским?

– Может, вы француженка, но скрываете это? – с сомнением посмотрел на нее Лямзин.

– Вот вы шутите, а я серьезно! Я этим вопросом интересовалась.

– Супом?

– Именем!

– С чего бы это? Вы ж балерина, а не филолог.

– Зато у меня мама – учитель литературы. И вообще, я что, по-вашему, русским языком интересоваться права не имею? Сторонники мусульманского происхождения имени уверяют, будто оно происходит от тюркско-иранского Арслан, что означает лев. Хорошо, допустим. Но каким образом слог «ар» заменяется на «ру» и зачем? Впрочем, это, вероятно, кажется им несущественной деталью. Следуя их логике, всех Марин, Карин, Дарин стоит считать тезками. Но нет же, такое и в голову никому не приходит! Почему же тогда это происходит с именем Руслан?

– Да, действительно?

– А я объясню, – продолжала горячиться она. – Кому-то очень нужно, чтобы у Пушкина былинный русский богатырь Руслан носил мусульманское имя. Отсюда и притянутое за уши Арслан.

– Да ну, сушная ерунда: Ру-слан – Ар-слан, буква сюда – буква туда. Кто ж их считает?

Александра с подозрением покосилась на него.

– Так. Вы на чьей стороне?

– На вашей, разумеется. Мне этимология имени Руслан тоже кажется сомнительной.

– А-а, – она заметно успокоилась и продолжила уже без особой горячности: – Так вот, существует простое и единственно верное объяснение тому, отчего Пушкин дал такое имя своему богатырю: «Рус» на старорусском означает русский, светлый, и «ла» – это душа. «Светлая душа» – вот как расшифровывается это имя. Кстати, арабы и изобретение алгебры себе присвоили, – не к месту добавила она.

Лямзин от неожиданности аж притормозил.

– Как так, что вы говорите? А нас в школе учили...

– Чему вас учили? – сварливо отозвалась Александра. – Про открытие Америки Колумбом рассказывали? Тут примерно та же история. Мухаммед Аль-Хорезми, создатель алгебры, был персом по происхождению. А после завоевания Персии арабами алгебра традиционно стала считаться арабским изобретением. Вот так бывает несправедлива судьба: великие цивилизации умирают, великие народы рассеиваются по земле, а плоды их трудов молва присваивает другим...

Лямзин внимательно смотрел на дорогу, старательно объезжая рытвины и слушая Александру, но вскоре отвлекся, и мысли его потекли в совершенно другом направлении.

«Что я имею? – думал он. – Я знаю предполагаемые имя, отчество и фамилию убитого. Если повезет и они окажутся подлинными, это даст новую информацию. Далее нужно пробить отпечатки пальцев, снятые у трупа. Если Юсуф был судим, то они окажутся в базе данных».

– Вы меня не слушаете? – возмущенно прервала его размышления Александра.

– Что вы, разумеется, слушаю, – торопливо заверил он, коротко на нее взглянув.

– Так вот, продолжаю. Когда-то существовала загадочная и великая цивилизация шумеров. Они научились осушать болота, обжигать глиняные кирпичи и строить из них храмы тогда, когда во всем мире еще никто этого не делал...

«Надо будет не забыть позвонить в Нальчик, узнать, не оттуда ли наш Юсуф родом. В цепочке просящих за него первый был уроженцем Нальчика. Так что чем черт не шутит». – Он вспомнил, что Александра обижается на него, и опять бросил на нее взгляд, оторвавшись от дороги.

– Наконец, именно шумерам принадлежит создание первой в мире письменности! А что в итоге? Цивилизация великих шумеров рухнула. Но куда же делся весь народ, не мог же он просто взять и исчезнуть с лица земли? Нет. Шумер был постепенно поглощен. Сначала аккадским царем Шаррумкеном, а потом – Вавилонской империей. Выжившие же ушли на Восток, где основали империю Тимуридов. Кстати, правители ее прославились как великие ученые и литераторы...

– Тоже персы? – бросил заинтересованную реплику Лямзин.

– Естественно.

– Ага. И что же было дальше?

– Империя Тимуридов тоже рухнула. Десятитысячная армия ушла в Индию, чтобы основать цивилизацию Великих Моголов, но и она через три века растворилась в пространстве, оставив после себя Тадж-Махал и несколько разрозненных народностей, называющих себя сегодня персы, таджики, узбеки, индусы...

«Фото Юсуфа надо будет разослать. Эх, жаль, прижизненного снимка нет! Здорово было бы получить нормальный портрет. Если он окажется жителем Кабардино-Балкарии, я запрошу копию формы номер один с фотографией».

– Неужели вы этого не знали? – опять вторгся в его размышления голос Александры.

– Почему же, знал. Но успешно забыл. Спасибо, что вы напомнили.

И он широко улыбнулся, старательно скрывая, что на самом деле, кроме названий и общих фраз, он ничего не знает и не пытался узнать. Нужды не было.

– Арабы – это кочевники, – продолжала Александра. – Народ, название которого дословно переводится как «жители пустыни». И они, надо отдать им должное, довольно быстро поглощали элементы культуры покоренных народов, о чем потом благополучно забывали историки.

– М-да, – вздохнул Лямзин. – История – самая ненадежная наука, потому что основана на воспоминаниях очевидцев, которые вполне могут привирать. Да и документы, если они имеются, часто подделываются и фальсифицируются.

– Вот-вот, – кивнула Александра. – А забывающий об уроках истории рискует получить по лбу от тех же грабель.

– Александра, я начинаю вас бояться.

– Только начинаете? Вы смелый человек. Обычно меня после таких речей обходят десятой дорогой. Да, кстати, мне эти неучи пытались еще доказать, что исконно русское имя – это Иван. Тоже мне аргумент. Они даже не подозревают, что почти все имена после крещения Руси давались или греческие, или еврейские. Подлинно же русских имен почти нет в святцах, их туда не допустили. А ведь они такие красивые, как песня, – Ратмир, Светозар, Снежана...

– Да, красиво. Может, когда у меня будут дети, назову их такими именами. Между прочим, мы уже приехали. Вот он, ресторан. Предлагаю расслабиться и наконец с аппетитом поесть.

Александра коснулась горящих щек ладонями и засмеялась.

– Согласна.

Они вышли и с наслаждением принялись. Из небольшого окошка, расположенного под самым потолком первого этажа, доносились просто умопомрачительные запахи. Вероятно, именно там находилась кухня.

Дворик был уютный, мощный гладким булыжником, выложенным по кругу. В центре его располагался небольшой, выполненный в восточном стиле фонтан. Слева и справа стояли деревянные столики со скамьями под легкими навесами, но все они сейчас пустовали из-за невероятной жары.

Эдуард открыл дверь, пропуская вперед Александру, она вошла и с удивлением огляделась. Это был небольшой полутемный зал с уютными шелковыми диванами вдоль стен и с множеством вышитых подушек на них. Столы тоже оказались необычными, должно быть, выполненными на заказ. Низкие, с восточным орнаментом, они манили ожиданием щедрых яств, которые вот-вот появятся на них.

– Эдик, вы волшебник, – изумленно озираясь, произнесла Александра, – у меня такое чувство, что я попала в сказку. Надеюсь, это не пещера Али-Бабы и нам не придется спасаться бегством.

– Все нормально, – успокоил ее Лямзин.

А к ним, радушно улыбаясь и делая приветственные знаки руками, уже торопился хозяин – седовласый мужчина в пестром национальном халате, доходящем до середины икр.

Фархад, так звали хозяина, горячо приветствовал Лямзина. Он обнял его как старого друга и рассыпался в приветствиях.

– А вы, я вижу, здесь частый гость, – ехидно заметила Александра, как только они остались одни. – Ишь, как вокруг вас человек-то суетился.

– Отучайтесь думать о людях сразу худшее. Лучше потом разочароваться, чем обидеть кого дурным словом и после жалеть об этом.

– Вы это к чему? – опешила Александра.

– К тому, что в этом человеке нет ни грамма фальши. И если бы он мог, то жизнь бы за меня отдал. Потому что когда-то я его сына от смерти спас.

– Ой, простите. – Она густо покраснела и впервые за много лет действительно испытала чувство жгучего стыда. Александра и язвила-то по привычке, в ее кругу было не принято выставлять напоказ эмоции, да и искренность была не в чести. – Расскажите, как это было, – попросила она.

– Да ничего особенного. Мальчика, в числе других, взяли в заложники, а я вместо него на обмен пошел. Преступник оказался психом, начал палить куда попало, и только чудом никто серьезно не пострадал. Обошлось парой легких ранений.

– Да вы герой!

– Не говорите ерунды.

– Хотите сказать, что это у нас обычное явление – жизнью ради чужого ребенка рисковать?

– Нет. Но я – понимаете? – именно я не мог поступить иначе. Мне потом бы не давала покоя совесть и невозможно было бы спокойно спать.

– А как это произошло?

Александра подперла щеки руками, поставив локти на стол, и приготовилась слушать.

– Это случилось два года назад, во Внуково. Я встречал прилетавших из Австрии друзей. Самолет опаздывал, я скучал, и как-то так получилось, что из всех ожидающих разговорился только с одним человеком, мужчиной с восточными чертами лица, но европейским лоском. Сочетание, привлекающее взгляд само по себе, но когда еще и чувствуешь какое-то родство души... В общем, вскоре мы нашли множество общих тем для разговора и болтали с Фархадом, как старые друзья. Он рассказал, что давно живет в Москве, объездил всю Европу, в некоторых странах подолгу жил. Говорил, что два раза был женат и его двое сыновей погибли в Афганистане перед самым выводом оттуда наших войск. Жена недолго после того прожила – сломалась от горя. И после ее смерти он остался совсем один. Поверьте, Александра, в жизни каждого человека бывают такие периоды, когда кажется, будто больше нечего ждать от судьбы хорошего. Все уже было, все кончено, и надо только тихонько отползти в сторонку и ждать своего смертного часа. Такие мысли могут появиться у человека в любом возрасте, что-то подобное приходилось переживать и мне, но, осмелюсь предположить, когда тебе далеко за сорок, они особенно остры. Весь нынешний социум подпитывает индивидуума в мысли – попробуйте-ка устроиться на работу, когда вам сорок и больше. Да, я отвлекся. К счастью, судьба оказалась милостива к нему и подарила спустя годы новую любовь. Фархаду было уже пятьдесят два, когда родился мальчик. Сыну только исполнилось десять лет, когда жена Фархада подала на развод и увезла его с собой в Австрию. Может быть, этому можно было помешать, но вырывать ребенка из рук матери, наносить тем самым травму сыну Фархад не решился. Из-за огромной отцовской любви Фархад не смог причинить мальчику боль. И вот два года назад ситуация разрешилась сама собой. Бывшая жена написала, что мальчик стал неуправляемым, и попросила отца забрать его к себе. Но, лично мое мнение, причина была в том, что отчим и ребенок

невзлюбили друг друга. Спустя два долгих года сын впервые летел к отцу, и не погостить, а навсегда. Представляете чувства Фархада?

– Думаю, он был рад.

– Да он светился от счастья! Он рассказывал мне, как все это время мечтал прижать сына к груди, слезы наворачивались на его глаза. Неладное мы почувствовали, когда самолет начал кружить над аэродромом и никак не приземлялся. Вот тут-то и выяснилось, что на борту террорист, он требует освобождения брата, осужденного в России на длительный срок, и крупную сумму денег. Если требования его не будут удовлетворены, он обещал взорвать самолет. Даже у меня было состояние шока от неожиданности, а что уж говорить о Фархаде. Мне до сих пор страшно вспоминать его глаза – столько боли, растерянности перед коварством судьбы и бес- сильного отчаяния было в них. Мне кажется, если бы он мог, сам бы по молекулам разобрал самолет, но ребенка своего оттуда достал.

Руководителем совместной операции ФСБ и транспортной милиции по освобождению заложников оказался мой старый приятель со времени работы в ФСБ. У меня уже был опыт работы с террористами. И когда удалось уговорить преступника на обмен одного офицера милиции на пятерых детей, я, с разрешения руководителя операции, пошел в самолет. Главным аргументом, убедившим начальство, было отсутствие у меня семьи и то, что в салоне находились мои друзья, бывшие борцы, на помощь которых я рассчитывал. К тому же они могли рассказать об обстановке, которая сложилась в салоне самолета до моего появления. В числе освобожденных детей был и сын хозяина этого замечательного ресторана. Потом у психа сдали нервы, он открыл пальбу и ранил двоих, как я уже сказал, а затем застрелился сам. Вот так все и случилось. Ничего героического.

– А как террорист пронес оружие в самолет? Неужели это настолько просто сделать?

– О, это отдельная история. У парня приятель оказался сотрудником аэропорта. Кажется, они снимали вместе квартиру. Я уж не знаю, что он своему другу рассказал и как объяснил, почему хочет избежать проверки багажа, но тридцативосьмилетний сотрудник пошел на должностное преступление. Он пронес черную вместительную сумку с оружием через багажное отделение и обменял на точно такую же, с которой уже прошел досмотр в секторе службы безопасности террорист. А вот взрывчатки – преступник грозился взорвать самолет – у него не оказалось. Блефовал парень. Кстати, год спустя аналогичный случай с подменной сумок произошел в США, только там дело до стрельбы все-таки не дошло.

– Сняли кальку с происшествия в России?

– Может, и сами додумались. Кто ж их знает?

Александра промокнула глаза и со вздохом сказала:

– Я бы за своих детей тоже самолет на клочки разнесла. Представляю, что бедный отец пережил.

Она встала и, старательно скрывая слезы, которые все-таки потекли по щекам, отправилась в туалетную комнату. Когда она вернулась, на столе уже, благоухая пряными приправами, стояла часть блюд.

– Какое царское великолепие! А вы чего не едите? Ждете меня? – спросила она.

– Разумеется. Начните вот с этого салата, рекомендую. – Эдуард подвинул к ней пиалу. – И ассорти из солений попробуйте, и еще закуска из баклажанов – это что-то невероятное, я вас уверяю.

– Ага, теперь я понимаю, почему вы были так недовольны тем салатиком, который мы ели в кабинете Артура, – удовлетворенно урча, простионала Александра, – вас просто избаловали вкусной пищей.

– Кстати, я бы теперь хотел послушать вас. Я ведь почти ничего о вас не знаю, – внезапно сказал он, и Александра от неожиданности поперхнулась.

– Да уж! Принимая во внимание вашу профессию, я, безусловно, с легкостью поверю во все! И в то, что вы обо мне ничего не знаете, и в то, что ни разу обо мне справок не навели.

Эдуард открыл было рот, чтобы соврать, но передумал и сказал правду:

– Ну, было, да.

– Вот видите.

– Да я и узнал-то совсем чуть-чуть. Самую малость...

– То есть насчет года рождения уже можно не врать? – перебила его Александра, хитро прищурившись.

Он смущенно засмеялся.

– Грешен, да. Признаться, первым делом это выяснил. И был чрезвычайно удивлен, так как думал, что вы намного моложе. Лет на десять как минимум.

– Вот уж спасибо, что сказали. Даже не знаю, радоваться вашему признанию или пойти утопиться.

– Да бросьте. Это не комплимент, а констатация факта. Я до сих пор считал себя большим знатоком женской красоты, который под любым слоем макияжа и невзирая на усилия пластических хирургов узнает возраст дамы. Но с вами я промахнулся. Ей-богу, был уверен, что вам двадцать два, двадцать три, ну, максимум – двадцать пять!

Александра внезапно почувствовала себя задетой, и, хотя постаралась скрыть это, ответ ее все равно был довольно эмоциональным.

– Да, вот так вам не повезло, – вспыхнула она. – Вместо интрижки с юной прелестницей нарвались на меня!

Она с вызовом взглянула на него, но лицо ее тут же приняло обескураженное выражение. А все потому, что Лямзин совершенно неприличным образом расхохотался.

– Вы смеетесь? И что же вам кажется смешным? – спросила она.

– Александра, какой же вы еще ребенок, – он вытер выступившие на глазах слезы. – На самом деле мне страшно нравится все в вас. И умная, и красивая, и уверенная в себе. Я, признаться, очень боялся, что нашему общению помешает разница в возрасте. Знаете, иногда так случается, что после пары встреч просто не о чем с девушкой говорить.

– Эх, Эдик, Эдик, – покачала головой она, – что ж вы, мужчины, все норовите штампами мыслить? Если молодая и блондинка – так уже и не о чем поговорить?!

– Я вовсе не это хотел сказать, – отрицательно мотнул головой он, старательно вылавливая из салата малосольный грибок, – просто у меня уже был неудачный опыт. А я, признаться, болтун еще тот. Мне с женщиной нужно общий язык найти и поговорить всласть. Не люблю, когда скучно.

– Ладно, пусть так.

– Вы обещали рассказать о себе.

– Хорошо, но коротко. – Он сделал предостерегающий жест рукой, собираясь возразить, что хотел бы узнать как можно больше, но она не дала ему ничего сказать: – Очень коротко, а то ничего не скажу.

– Согласен, – смиренно сказал он.

– Родилась я в Москве, но уже в возрасте нескольких месяцев очутилась в Бронницах. Отец нашел работу на местном ювелирном заводе и перевез всю семью, включая меня и моего старшего брата Виктора. Почему у него не было работы на тот момент в Москве, я не знаю, меня в это не посвящали. Но сдается мне, у него случился какой-то конфликт. Мать, которая ранее сидела со мной и братом дома, пошла в школу преподавать литературу. Думаю, намеренно погрузилась по уши в работу, чтобы заглушить тоску по столичной жизни. Ей было скучно в Бронницах, она часто раздражалась, и нам с братом – он на пять лет старше меня – тогда доставалось «на орехи». Отец, наоборот, был всем доволен, всегда улыбался. Он любил и баловал меня, чего, кстати, не могу сказать о брате – к нему он был суров.

– Вы обижены на мать, – констатировал Лямзин.

Александра коротко взглянула на него, но возражать не стала и продолжила рассказ:

– Я из той, домосковской, жизни почти ничего не помню, кроме, пожалуй, пустыря, где гоняла с мальчишками в футбол. Почему-то с девочками у меня отношения не складывались, я дружила только с мальчиками.

Лямзин хотел вставить, что ничего удивительного: это результат внутреннего конфликта с матерью, но не решился и сказал:

– А история с зонтиком, помните, вы мне как-то ее рассказывали. Это где произошло?

Александра засмеялась:

– Надо же, а вы не забыли! Это было на отдыхе на Азовском море, мне тогда всего шесть лет исполнилось. Я уже говорила, что в детстве дружила только с мальчишками, и там, куда мы приехали, тоже сразу обросла лучшими друзьями. И вот как-то раз в чью-то светлую голову – не мою – пришла идея прыгнуть с горы. Точнее, с обрыва. На право прыгать первым мы тянули жребий. Выпало мне. Я открыла зонтик и храбро сиганула вниз. М-да... – она помолчала. – В общем, там довольно высоко было, метров пятнадцать-двадцать. Зонтик сразу сложился, и я полетела камнем... Как не разбилась насмерть – не знаю. Мальчишки едва увидели, что произошло, как тут же разбежались по домам. К счастью, кто-то из взрослых заподозрил неладное, заметил по их испуганным физиономиям. Меня обнаружили, вызвали неотложку, и очнулась я уже в больнице. – Она замолчала, вспоминая и задумчиво глядя вдаль затуманенным взором. Потом грустно и тепло улыбнулась. – Открываю глаза, а папа надо мной сидит. Плачет. Помню, я его еще успокаивала: «Папочка, ну что ты, вот же я! Я здесь, я жива!» Не знаю, почему именно такими словами. Наверное, я чувствовала, как он боится меня потерять. Ему ужасно хотелось схватить меня на руки и прижать к себе, я это тоже чувствовала, но он боялся причинить мне боль. И только гладил и гладил мою руку и нежно так смотрел...

– Он вас очень любил.

– Да. – Она отвернулась, стараясь скрыть слезы, но они потекли по щекам и закапали на платье. Тогда она, уже не скрываясь, промокнула их салфеткой и повернулась к Эдуарду. – Он... он составил завещание, оставив мне все свое имущество, а через неделю его убили какие-то маргиналы. Труп был так изуродован, что только по вещам мы смогли его опознать. Его не стало два года назад, а я все никак не могу поверить в это. Мне постоянно кажется, что он где-то рядом. Вот даже сейчас. И еще – будто он оберегает меня. Я всегда была безбашенной авантюристкой, вечно влипала в разные истории. Но с тех пор меня в последний момент будто останавливает что-то. Срабатывает внутренний звонок: дзюнь – стоп! Я уверена, это папа предостерегает меня. В сущности, остальные сведения обо мне не представляют интереса. Скажу только, что, когда мне исполнилось двадцать два, брат Виктор эмигрировал в Америку. Пытался и меня с собой забрать, но я уперлась и не поехала. Я тогда как раз переживала большую любовь, окончившуюся, как и все слишком бурные романы, громким пшиком. Правда, я в этом скоротечном браке успела родить своих близнецов. Вот так «империя» отца, как он иронично свое дело называл, досталась мне.

– Да-а, – задумчиво протянул Лямзин, который в этот момент вспомнил своего отца, ведь он так и не успел сказать, как его любил, – печально...

Эдуард склонил голову, и перед глазами невольно побежали воспоминания о редких встречах с отцом в последние годы. Их было до обидного мало, он все был занят, все откладывал на потом. И теперь очень жалел об этом. Почувствовав, что начинает расклеиваться – а он очень в себе этого не любил, Лямзин встрепенулся и спросил:

– Александра, я хотел узнать у вас, почему вы тогда вечером оказались на дороге одна?

Она лукаво улыбнулась:

– Это когда вы меня сбили? Какой вы невнимательный водитель, однако!

– Не увиливайте.

– Ах, да ладно, скажу, – она обреченно махнула рукой, – я в тот день рассталась со своим бойфрендом. Точнее, почти что мужем – у нас свадьба назначена была на октябрь. Но ее не будет.

– Почему? – Лямзин поймал себя на мысли, что слышать о ее свадьбе, пусть даже и отмененной, ему неприятно. Сам тут же испугался этого и постарался принять равнодушный вид.

– Потому что я замуж не хочу. Было какое-то помутнение, когда я вообразила, что смогу жить в браке, но, к счастью, вовремя одумалась.

– А, ну это не причина, – сказал он, и в голосе его Александра явственно услышала разочарование. – Вы еще двадцать раз передумать успеете до октября.

– А вам хотелось бы, чтоб я передумала?

Она прищурилась, и в глазах ее забегали чертенята.

Лямзин посмотрел на нее, понял, что прокололся, и поспешно, нарочито грубовато смеялся:

– Не представляю вас в роли бизнес-леди. Как вы все успеваете?

– А я и не успеваю.

– Да? И сколько же у вас магазинов?

– Сушная ерунда, всего три. – Глаза ее откровенно смеялись. – Два в центре и третий, совсем маленький, на окраине. Даже не знаю, нравится ли мне этим заниматься. Я всегда любила музыку, танец. А пришлось с головой погрузиться в торговлю. Танцую теперь только изредка, правда, у станка стараюсь каждый день постоять, чтобы форму не терять. Да еще группу девочек веду из балетной студии. Но это единственное, что я оставила себе от прежней жизни.

– Не получается совмещать?

– Нет. Трудно. Чувствую, что скоро и от преподавания придется отказаться, я не имею права уделять детям внимания меньше, чем должна. А жаль. Ладно, это к делу не относится, давайте лучше я расскажу, зачем вы мне понадобились.

– Весь внимание. – Он приготовился слушать.

Александра открыла сумочку, достала из нее блокнот и ручку, словно была уверена, что сейчас ей придется что-то писать. Потом немного подумала, собираясь с мыслями, и начала методично рассказывать Лямзину все, что ранее успела узнать от Фаины.

– Вот так и получилось, – закончила она. – Вора нет, но деньги украли.

– Ясно. Похоже, это все-таки кто-то из своих. Я сейчас дам телефоны одного парня, – он быстро написал в ее блокнот номера, – сам переговорю с ним предварительно и потом вам перезвоню. И только после этого Фаина пусть ему звонит и договаривается о встрече. Он все сделает в лучшем виде.

– О, спасибо.

– Спасибо – это слишком мало.

Александра вздернула бровь, и глаза ее стали колючими.

– Вот как? И чего же вы еще хотите?

Лямзин засмеялся.

– Ух, какой взгляд! Мой друг через три недели проводит костюмированный старинный бал. Я туда приглашен и очень хочу, чтобы и вы поехали со мной. Будут дамы в кринолинах, гусары в мундирах, полонезы, мазурки, томные разговоры, веера и абсолютно точная атмосфера той чудесной поры.

У Александры азартно загорелись глаза.

– О, как здорово! Поеду заказывать себе наряд.

– Но только после того, как мы все съедим, – и он указал на полный еды стол.

Глава 4 Матвей

Время летело катастрофически быстро, будто его сжали в пружину и забыли распрямить. Александра коротко взглянула на часы, тихо ойкнула и заторопилась.

– Куда? А десерт? – вскочил вслед за ней Лямзин.

– Чувствую себя преступницей, – жалобно сказала она. – Я даже не думала, что так надолго задержусь. А у меня в магазине куча дел. Бедная Зина, должно быть, каждую минуту меня вспоминает «добрым» словом.

– Александра, если вы уже опоздали, лишние четверть часа вас не спасут. Пейте свой кофе, и обязательно с пирожным. Это вкусно, уверяю вас. А потом в три секунды домчимся.

Она села обратно, подчиняясь его натиску, и повеселела. Придвинув к себе пирожное, весело спросила:

– Я что-то пропустила и вы успели разыскать здесь в запасниках ковер-самолет?

– Полагаете, он тут есть?

– Думаю, да. В этом месте должна скрываться масса невиданных сокровищ, поражающих воображение. Я чувствую это.

Она засмеялась.

Эдуард бросил внимательный взгляд на снующих официантов и на метрдотеля у двери и кивнул в его сторону:

– А я-то все думаю – кого мне «главный по тарелочкам» напоминает?! Да волшебника же Мурвея из «Чао» Аматуни, он просто его копия. Поэтому если что и было, то уже «ушло».

Александра оценивающе посмотрела на метрдотеля и согласно кивнула:

– Полагаете, Мурвей украл не только чертежи робота Чао, но и сокровища из пещеры Али-Бабы?

– Все может быть, я ничему в этой жизни не удивляюсь.

– Хорошо бы, чтоб где-нибудь здесь еще и вертолет оказался.

– Это вы к чему?

– К тому, что нам пора. Полетели.

До стройки, где Лямзин должен был встретиться с Тамбовцевым, они действительно доехали очень быстро. Это один из феноменов пространства-времени: обратная дорога всегда почему-то кажется короче и заканчивается быстрее.

Александра бодро вылетела из автомобиля и, обежав его, попыталась сесть на место водителя.

– Подождите, мы еще не успели договориться о следующей встрече! – сказал Эдуард, уступая ей водительское кресло и пересаживаясь на заднее сиденье за ней, поленившись обойти машину и сесть рядом.

– Так на балу и встретимся! – нарочито изумленно взмахнула ресницами Александра.

– Нет, слишком долго ждать. У меня есть предложение, подкупающее если и не оригинальностью, то уж консерватизмом точно. А пойдемте-ка завтра в театр. – И, не дав ей опомниться и вставить хотя бы слово, скороговоркой произнес: – Антреприза. Премьера. Аншлаг. Самые известные актеры.

Александра захлопнула рот, беспомощно моргнула и просто сказала:

– Согласна.

– Вот и хорошо, – облегченно вздохнул Лямзин. – Кстати, а что это вы читаете?

Он взял с сиденья рядом с собой книгу и заинтересованно посмотрел на обложку:

– «Технология бессмертия». Павел Солоненко. Вы это читаете?

– Нет, просто вожу с собой, – иронично хмыкнула Александра.

Лямзин полистал книгу и, выхватив взглядом фразу, прочел вслух:

– *«Лжец научит, как отличить ложь, и уйдет, взяв свою плату за науку. Вор облежит нашу ношу и тоже уйдет, отягощенный ненужными нам вещами. Не имея опыта ошибок, как нам утвердиться в правильности Пути?»* Хм, а в этом что-то есть. И то, что насчет вечной молодости здесь написано, тоже правда?

– А отчего, вы полагаете, я так хорошо выгляжу? – подмигнула ему она и засмеялась. – Я вас жду завтра.

– Хорошо, ровно в пять я приеду.

Она быстрым движением достала визитку, написала на ее обратной стороне адрес и, подав ему, помахала на прощание рукой.

– Ну так до встречи, оригинальный консерватор!

Он вышел, и она, сорвавшись с места, умчалась. А Эдуард еще долго глядел ей вслед и счастливо улыбался.

В магазине, куда так торопилась Александра, жизнь шла своим чередом. В приемной, нетерпеливо поглядывая на часы и прислушиваясь к шагам, ждала верная Зина, а в прохладном торговом зале со страхом поглядывала в окно Ася. На улице явно усиливалась жара, и думать о том, как «приятно» будет добираться в метро домой, не хотелось. Опять потекут по телу струйки пота, потом начнется приступ дурноты от духоты и запаха разгоряченных тел, и чужие прикосновения будут казаться в сто крат неприятнее, чем обычно. И что самое ужасное, вырвавшись из подземки на улицу, ты снова окунешься в горячее марево от плавящегося на солнце асфальта и поймешь – спасения нет нигде. Ася всхлипнула от жалости к себе, вспомнила, что еще надо забежать за сыном в детский сад, и совсем закрутила.

– Мерзкая противная жара, когда же ты закончишься? – пробормотала она.

Покупателей по-прежнему не было, и кассир Мария за своим стеклянным окошком неторопливо читала книгу. Ася со вздохом достала учебник английского, раскрыла его на заложенной странице и принялась зубрить. То ли ей способностей не хватало, то ли с учителями не повезло, но язык ей давался тяжело. Английский учила-учила, с самого детского сада, но так и осталась на уровне «читаю со словарем».

Серебряные трубочки на двери мелодично зазвенели, и в помещение с жарким знойным воздухом ворвалась Лера. Она с порога плюхнулась на стул и, закинув ногу на ногу, тут же достала сигарету.

– Здесь нельзя курить, – мягко сказал охранник, откладывая в сторону журнал.

– Мне теперь все можно. – Она злорадно засмеялась и, вынув из пачки крошечную зажималку, прикурила.

– Сказал же – нельзя!

Матвей встал и подскочил к Лере, намереваясь выхватить сигарету, но та ловким движением руки спрятала ее за спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.